

Экономическая культура: ценности и интересы

· Economic Culture: Values and Interests ·

Программа конференции и тезисы · Conference program and abstracts

25–26 апреля 2013 г.

Smolny

Санкт-Петербургский
государственный университет
Bard College

Факультет
свободных
искусств и наук

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет свободных искусств и наук
Центр исследований экономической культуры

Международная научная конференция

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ЦЕННОСТИ и ИНТЕРЕСЫ

25–26 апреля 2013 года

Smolny

Санкт-Петербургский государственный университет
Bard College

Факультет свободных искусств и наук

Санкт-Петербург

2013

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ЦЕННОСТИ И ИНТЕРЕСЫ

25–26 Апреля 2013 г.
г. Санкт-Петербург, Россия

Пленарные докладчики:

Дейрдра Макклоски, Университет Иллинойса

Арио Кламер, Школа истории, культуры и коммуникации Эразмуса, Нидерланды

Экономика как часть культурной деятельности человека требует поиска нового видения своего предметного поля. Экономическая теория не может быть изолирована от морального, исторического, социального, а подчас и метафизического контекстов, равно как и от таких сопредельных дисциплин, как социология и философия. Экономика социальна, связана с властью, несвободна от нормативности, немыслима вне контекста определенных ценностей и символов. Экономическая наука в XX веке в основном предпочла установку, согласно которой экономика понималась прежде всего как природа, что дало принципиальную возможность моделирования экономики как непротиворечивого процесса. При этом сама оппозиция природы и культуры предполагалась преодоленной. На сегодняшний день эта установка во многом исчерпала себя и должна быть дополнена представлением об экономике как о культуре. Пришло время в новых условиях вернуться к гуманитарному знанию и переосмыслить границы экономической дисциплины.

Рыночные преобразования в странах с переходной экономикой показали, что институциональные реформы часто оказывались непоследовательными и терпели неудачу. Практики и экономисты сходятся в том, что институты и культура дополняют друг друга, а исход преобразований зачастую зависит от сформировавшейся в обществе экономической культуры: ценностей, норм, стереотипов, идей, верований и укоренённых практик. Эта проблема все более остро встает и перед развитыми экономиками, когда речь идет даже о небольшом изменении привычек и сложившихся установок. К примеру, во многом от культурной составляющей будет зависеть и способность стран Европейского союза выйти из долгового кризиса. Позитивистской ориентации экономистов исключительно на рациональный выбор и интересы необходима альтернатива, в рамках которой в область изучения возвращаются ценности и культура. Фундаментальными для принятия реальных решений в экономике становятся честность, достоинство, красота, истина и представления о них.

Особый интерес представляет обсуждение ряда общих и конкретных вопросов. К общим вопросам будут относиться следующие: Как влияет на экономическое развитие то, во что верят люди и какие практики используют? В какой степени современный капитализм связан с буржуазными и рыночными ценностями, а также общими представлениями о рынках и инновациях? Насколько универсальными и значимыми для развития рынков являются те ценности, которые сформировались в рамках западноевропейской культуры? Каковы религиозные истоки современного экономического мышления?

На практическом уровне интересует то, каковы методы научного исследования экономической культуры? Что необходимо сделать, чтобы этот феномен стал более доступен для изучения и интерпретации (сообщества, профессиональные контакты, возможности Интернета)?

Каковы результаты изучения ценностей и практик принятия решений? Как в различных странах и регионах деловые люди и граждане решают схожие практические задачи? Каковы в различных странах и регионах ценности и интересы чиновников, которые принимают решения? Какова административная культура, т. е. культура в оказании общественных услуг? Какова культура в области экономической политики на стадиях подготовки, принятия и воплощения различных проектов?

Организационный комитет: *А. Л. Кудрин (председатель), Д. Е. Расков, Д. В. Кадочников, А. С. Воробьев, А. А. Погребняк, Р. М. Нуреев, А. Н. Олейник*

Место проведения: г. Санкт-Петербург, Факультет свободных искусств и наук,
ул. Галерная 58–60

Языки конференции: английский и русский

Информация о конференции 2012 года «Экономическая культура современного капитализма»:

http://artesliberales.spbu.ru/events/2012/news_12_06_29txt/programm%20and%20thesis

ECONOMIC CULTURE: VALUES AND INTERESTS

St. Petersburg, Russia
April 25–26, 2013

Keynote speakers:

Deirdre McCloskey (University of Illinois at Chicago)

Arjo Klamer (Erasmus University in Rotterdam)

Economic activities are a source and a part of human culture and the science of Economics is currently in need of a new vision of its subject. Economic theory cannot be isolated from moral, historic, social and, sometimes, metaphysical contexts, as well as from such disciplines as sociology and philosophy. Economics is influenced by politics. Is it economics a value-free positive science?

During the 20th century economists preferred to look at the economy as if it was a part of the nature. This allowed researching economic processes as manifestation of certain fundamental laws. It was thus assumed that nature and culture were not fundamentally different.

This vision is no longer conducive to the development of the economic theory. Economy should be treated as a part of culture, and not only nature. The time has come to turn to the humanities in order to revise the scope of Economics.

Market reforms in transition economies have demonstrated that institutional reforms were often non-coherent and unsuccessful. Scholars and policy-makers agree now that institutions and culture complement each other and the outcome of reforms often depends on the economic culture of a particular society: on its values, norms, stereotypes, ideas, beliefs and practices. This problem is also found in developed economies even when a small change in practices and visions is debated. For instance the ability of EU countries to overcome the debt crisis depends to a large extent on their economic culture.

Positivist orientation of economists based on rational choice can be contrasted with an alternative paradigm based on the accepting the fact that honesty, dignity, aesthetics, the truth and the visions of it all are fundamental to economic decision-making.

Of special interest are the following general and specific issues.

General:

- How do people's values and beliefs influence economic development?
- To what extent is modern capitalism related to bourgeois values, as well as to overall visions of markets' functioning?
- How universally applicable and important for economic development are values of the Western culture?
- What are the religious sources of modern economic culture and what are the alternatives?

Specific:

- Research methods applicable to the study of economic culture.
- What steps are to be taken in order to promote wider study of economic culture (networks, internet sites)?
- Existing research on economic values and their role in decision-making.
- How do business-people in different societies approach similar problems?
- Administrative culture in different countries.
- Economic culture and economic policy.

Organizing committee:

Aleksei Kudrin (chairman), Danila Raskov, Denis Kadochnikov, Alexander Pogrebnyak, Andrei Vorobyev, Rustem Nureyev, Anton Oleynik

Conference venue:

Faculty of Liberal Arts and Science, St. Petersburg State University,
Address: ul. Galernaya 58-60, St. Petersburg, Russia.

Conference languages: English, Russian

See, the program and the abstracts of the previous conference "Economic culture of modern capitalism" held in June of 2012: http://artesliberales.spbu.ru/events/2012/news_12_06_29txt/programm%20and%20thesis

ПРОГРАММА КРАТКАЯ

25 АПРЕЛЯ 2013, ЧЕТВЕРГ

09.00–10.00	Регистрация
10.00–12.00	<i>Утреннее заседание</i>
12.00–12.30	Кофе-брейк
12.30–14.00	<i>Дневное заседание</i>
14.00–15.00	Обед
15.00–17.00	<i>Параллельная сессия 1</i>
17.00–17.30	Кофе-брейк
17.30–19.30	<i>Вечернее заседание</i>

26 АПРЕЛЯ 2013, ПЯТНИЦА

10.00–12.00	<i>Утреннее заседание</i>
12.00–12.30	Кофе-брейк
12.30–14.00	<i>Дневное заседание</i>
14.00–15.00	Обед
15.00–17.00	<i>Параллельная сессия 2</i>
17.00–17.30	Кофе-брейк
17.30–19.30	<i>Вечернее заседание и финальная дискуссия</i>

PROGRAM OUTLINE

APRIL 25, 2013, THURSDAY

09.00–10.00	Registration
10.00–12.00	<i>Morning session</i>
12.00–12.30	Coffee break
12.30–14.00	<i>Noon session</i>
14.00–15.00	Lunch
15.00–17.00	<i>Parallel sessions</i>
17.00–17.30	Coffee break
17.30–19.30	<i>Evening session</i>

APRIL 26, 2013, FRIDAY

10.00–12.00	<i>Morning session</i>
12.00–12.30	Coffee break
12.30–14.00	<i>Noon session</i>
14.00–15.00	Lunch
15.00–17.00	<i>Parallel sessions</i>
17.00–17.30	Coffee break
17.30–19.30	<i>Evening session and final discussion</i>

25 АПРЕЛЯ 2013, ЧЕТВЕРГ

09.00–10.00 **Регистрация**

10.00–12.00 **Утреннее заседание.** Ведущий — *Д. Е. Расков*

ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Арьо Кламер (Университет Эрасмуса, Роттердам)

Культура имеет значение

Ананьин Олег Игоревич (НИУ ВШЭ)

Культурная размерность экономики

12.00–12.30 **Кофе-брейк**

12.30–14.00 **Дневное заседание.** Ведущий — *О. И. Ананьин*

Карстен Херрманн-Пиллат (Франкфуртская школа финансов и менеджмента)

Эволюционный подход к культуре и экономике: основные принципы и приложение к Китаю

Болдырев Иван (НИУ ВШЭ / Университет Гумбольдта),

Кирчик Олеся (НИУ ВШЭ)

Советские экономисты-математики в эпоху Брежнева: дисциплинарный статус и эпистемическая культура

Левинсон Алексей (НИУ ВШЭ, Левада Центр)

«Рыночные» и «социалистические» ценности в современном массовом сознании россиян (по материалам исследований Левада-Центра)

14.00–15.00 **Обед**

15.00–17.00 **Параллельная сессия 1**

1-А. Ценности, мораль и миф

Ведущий — *А. Э. Тарабанов*

Кинозал

Понукалина Оксана Викторовна

(Саратовский социально-экономический институт)

Ценностные основания экономического поведения

1-В. Экономическая теория и культура

Ведущий — *Д. В. Кадочников*

Аудитория 152

Караваев Эдуард Федорович (СПбГУ)

Некоторые исторические

<i>Аманар Акхаббар</i> (Университет Лозанны)	замечания о понятии «эволюционно стабильная стратегия»
Транспарентность и мораль <i>Ното Осепотисус</i> : вклад Бентама	<i>Заостровцев Андрей Павлович</i> (НИУ ВШЭ, СПб)
<i>Гущина Вера Николаевна</i> (Воронежский государственный университет)	Дуглас Норт о культуре
Божественная концептосфера в проповедях Уриана Оукса	<i>Михеев Валерий Николаевич</i> (СПбГУ)
<i>Малькова Татьяна Николаевна</i>	Экономическая культура и экономическая практика
Учетно-экономические категории в Библии и Коране	<i>Юдин Григорий Борисович</i> (НИУ ВШЭ, Москва)
<i>Тульчинский Григорий Львович</i> (СПбГУ и НИУ ВШЭ)	Безбилетники в моделях и на остановках: к социологии разукоренённой экономики
Брендинг территорий как экономика мифа	

17.00–17.30

Кофе-брейк

17.30–19.30

Вечернее заседание. Ведущий — Л. Д. Широкопад

Клюкин Петр Николаевич (НИУ ВШЭ)

Российская традиция экономического анализа конца XIX - первой трети XX в. как историко-экономический и культурный феномен

Кирдина Светлана Георгиевна (ИЭ РАН), *Сандстром Грегори* (ЕГУ, Вильнюс)

Экономика и гуманитарное знание: напряжение в институциональной матрице

Панченко Дмитрий Вадимович (СПбГУ)

Хозяйственный этос архаичной Греции

Расков Данила Евгеньевич (СПбГУ)

Священное и мирское в экономической культуре зарубежных староверов

10.00–12.00 **Утренняя сессия.** Ведущий — *Данила Расков*

Рональд Инглхарт (Мичиганский университет)

Экономическое развитие и счастье: от максимизации экономических выгод к максимизации благополучия

Дейдра Макклоски (Университет Иллинойса в Чикаго)

Как мир стал богатым и почему это никак не связано с неоклассической, марксистской или неoinституциональной экономической теорией

12.00–12.30 **Кофе-брейк**

12.30–14.00 **Дневное заседание.** Ведущий — *А. Левинсон*

Олейник Антон (ЦЭМИ РАН, Университет «Мемориал», Канада)

Сбор, агрегирование и обработка качественных данных для исследований экономической культуры

Рыжова Наталья Петровна (ИЭИ ДВО РАН, Хабаровск)

Российская периферия: что мы знаем о локальной экономической культуре?

14.00–15.00 **Обед**

15.00–17.00 **Параллельная сессия 2**

2-А. Экономическая культура: различные аспекты

Ведущий — *А. С. Воробьев*

Кинозал

Кадочников Денис Валентинович (СПбГУ)

Политико-идеологические аргументы в дискуссиях о необходимости международной финансово-экономической координации в период между двумя войнами

Пушкина Дарья Булатовна (СПбГУ)

Конфликт в Конго и глобальная

2-В. Экономическая культура России

Ведущий — *А. Н. Дубянский*

Аудитория 152

Дубянский Александр Николаевич (СПбГУ)

Формирование ценностных ориентиров в кредитных отношениях в современной России

Соснило Андрей Игоревич

(Финансовый университет, СПб)

Политическая и административная культура развитых стран и

экономическая культура

особенности современной российской практики

Розмаинский Иван Вадимович
(СПбГУ и НИУ ВШЭ)

Почему в XXI веке экономический рост в развитых странах может замедлиться? Опыт посткейнсианского анализа

Плетнев Дмитрий Александрович,
Бархатов Дмитрий Иванович
(Челябинский государственный университет)

Корпоративная культура как рутинизированный процесс

Тарабанов Арсений Эдмондович
(СПбГУ)

Рынки искусства: информационная эффективность и предпринимательское творчество

Одинг Нина Юрьевна (МЦСЭИ
Леонтьевский Центр)

Государство и частная собственность в России

17.00–17.30

Кофе-брейк

17.30–19.30

Вечернее заседание и финальная дискуссия.

Ведущие — *А. Олейник, Д. Е. Расков*

Тулупенко Юрий Георгиевич (РГПУ им. Герцена, СПб)

Экономика и эстетика: от сентиментализма к романтизму и далее

Погребняк Александр Анатольевич (СПбГУ)

Категории ценности и интереса: экономическое значение и философский смысл

PROGRAM

APRIL 25, 2013, THURSDAY

09.00–10.00 **Registration**

10.00–12.00 Morning session. Moderator — *Danila Raskov*

CONFERENCE OPENING

Arjo Klamer (Erasmus University, Rotterdam)

Culture matters

Ananyin Oleg (Higher School of Economics)

Cultural dimension of economy

12.00–12.30 **Coffee break**

12.30–14.00 **Noon session.** Moderator — *Oleg Ananyin*

Carsten Herrmann-Pillath (Frankfurt School of Finance and Management)

An evolutionary approach to culture and economy: General principles and application on China

Boldyrev Ivan (Higher School of Economics, Humboldt University),

Kirtchik Olessia (Higher School of Economics)

Soviet Mathematical Economists during the Brezhnev Era: Disciplinary Status and Epistemic Culture

Levinson Aleksey (Higher School of Economics, Levada Center)

'Pro-market' and 'pro-socialist' values in Russia today. Based on Levada-center opinion studies

14.00–15.00 **Lunch**

15.00–17.00 **Parallel sessions 1**

1-A. Values, morals and myth

Moderator — *Arseny Tarabanov*

Movie hall

Ponukalina Oksana (Saratov Social and Economic Institute)

Value foundations of consumer behavior

1-B. Economic theory and culture

Moderator — *Denis Kadochnikov*

Room 152

Karavaev Eduard (St. Petersburg State University)

Some historical notes on the conception "evolutionarily stable strategy"

<i>Amanar Akhabbar</i> (University of Lausanne)	<i>Zaostrovitsev Andrey</i> (Higher School of Economics)
Transparency and Homo Oeconomicus' Morals: Bentham's Contribution	Douglass North on Culture
<i>Gushchina Vera</i> (Voronezh State University)	<i>Mikheyev Valery</i> (St. Petersburg State University)
The Divine conceptual sphere in Urian Oaks's sermons	Economic culture and economic practice
<i>Malkova Tatiana</i>	<i>Yudin Greg</i> (Higher School of Economics)
Accounting and Economic categories in the Bible and Koran	Free Riders between Models and Bus Stops: For a Sociology of Disembedded Economy
<i>Tulchinskii Grigorii</i> (St. Petersburg State University, Higher School of Economics)	
Branding areas as economics of the myth	

17.00–17.30

Coffee break

17.30–19.30

Evening session. Moderator — *L. D. Shirokorad*

Klyukin Piotr (Higher School of Economics)

Russian tradition of economic analysis of the end of 19th beginning of 20th century as a historical and cultural phenomenon

Sandstrom Gregory (European Humanities University, Vilnius), *Kirdina Svetlana* (Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences)
Economics and Humanitarian Knowledge: Tension in the Institutional Matrix

Panchenko Dmitriy (St. Petersburg State University)

Economic ethos of Archaic Greece

Raskov Danila (St. Petersburg State University)

The sacred and the secular in the economic culture of foreign Old Believers

10.00–12.00 Morning session. Moderator — *Danila Raskov*

Ronald Inglehart (Michigan University)

Economic development and happiness: from maximizing economic gains to maximizing well-being

Deirdre McCloskey (University of Illinois at Chicago)

How We Got Rich, and Why It Has Nothing to Do with Neoclassical or Marxist or Neoinstitutional Economics

12.00–12.30 Coffee break

12.30–14.00 Noon session. Moderator — *Aleksei Levinson*

Oleinik Anton (Memorial University of Newfoundland, Canada, and Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences)

Data making and mining in the study of economic culture

Ryzhova Natalia (Amur Laboratory for Economic and Sociological Studies ERI FED RAS, Khabarovsk / Blagoveshensk, Russia)

Russia's Periphery: what do we know about local economic culture?

14.00–15.00 Lunch

15.00–17.00 Parallel sessions 2

2-A. Economic culture: various aspects

Moderator — *Andrei Vorobyev*

Movie hall

Kadochnikov Denis (St. Petersburg State University)

Political and ideological arguments in the discussions on the rationale for international policy coordination between two world wars

Pushkina Darya (St. Petersburg State University)

The conflict in Democratic Republic of Congo and Global

2-B. Russian economic culture

Moderator — *Aleksandr Dubyanskiy*

Room 152

Dubyanskiy Aleksandr

(St. Petersburg State University)

Problem of the formation of value orientations in the credit relations in modern Russia

Sosnilo Andrey (Financial University under the Government of the Russian Federation, Saint-Petersburg)

The political and administrative culture of developed countries,

Economic Culture and modern Russian practice

Rozmainsky Ivan (St. Petersburg State University, Higher School of Economics) *Pletnev Dmitri, Barhatov Viktor* (Chelyabinsk State University, Russia)

Why in the XXI Century Economic Growth in the Developed Countries May Slow? An Experience of Post Keynesian Analysis The Corporate Culture as a Routinized Process

Oding Nina (Leontief Centre, St. Petersburg)

Tarabanov Arseny (St. Petersburg State University) State and private property in Russia

Art markets: information efficiency and entrepreneurial creativity

17.00–17.30 **Coffee break**

17.30–19.30 **Evening session and final discussion.** Moderators — *Anton Oleinik, Danila Raskov*

Tulupenko Yuri (Herzen State Pedagogical University of Russia)
Economics and aesthetics: Sentimentalism to Romanticism and beyond

Pogrebnyak Aleksandr (St. Petersburg State University)
Categories of value and interest: economic meaning and philosophical sense

Транспарентность и мораль Homo Oeconomicus: вклад Бентама

Transparency and Homo Oeconomicus' Morals: Bentham's Contribution

Jeremy Bentham (1748–1832) is one of the inventors of both transparency technologies — like the Panopticon for instance — and Rational Choice Theory. According to Rational choice theory (RCT), individuals behave according to hedonic calculus, i.e. they perform a costs-benefits calculation so as to maximize pleasure and minimize pain. Individual's particular interest is to act so as to maximize one's pleasure and minimize one's pain.

Moreover, it is assessed that such an individualistic doctrine is favorable to both individual's happiness, and to social welfare as well as to public interest which is to reach the «greatest happiness of the greatest number». Freedom of action, market-based organizations, encouragement of individual initiative, and minimal government intervention in economic life is, in Bentham's view, the right institutional framework.

However, Bentham noticed that in numerous occasions, individuals who follow their particular interests, i. e. guided by utilitarian calculus, are tempted not to behave in accordance to their duty. Duty is first of all what one voluntarily engaged to do in a contractual relation: to work, to deliver a commodity, to manage a firm, to perform a service, etc. But interest and duty are not always aligned. For instance, in joint-product companies, the manager might be tempted to minimize his effort and fall into «indolence», «negligence», «misconduct» and «peculation» instead of maximizing the company's value as his contractual duty toward shareholders requires. In many social relations, especially in agency relations between a principal and an agent, individual interests and individual duties do not coincide. As Bentham noticed, this problem occurs in particular when information is not equally shared between individuals. According to Bentham, evil rules when there is opacity of information and secrecy.

To solve this imperfect information problem, Bentham proposed to implement «universal transparency» in social life thanks to what we may call transparency technologies, or transparency devices. Transparency technologies aim at putting individuals under scrutiny of the public: they make public what used to be secret or private. They are publicity devices. For instance, publicity makes parliamentary sessions public; it makes tribunal sessions public; it submits the manager's accounts to the public; it submits prisoners to the public's judgment. According to Bentham, transparency as a way of information publicity, offers a preservative against abuses, misconducts and temptation. Under the eye of the invisible «Tribunal of Public Opinion», individuals are expected to behave according to their duty and not their particular interest:

By bringing to light, and thus exposing to the censure of the law and of public opinion // publicity [is] the most effectual means of applying the force of moral motives, in a direction tending to strengthen the union between his interest and...his duty. (Bentham 1843a, 583, I underline)

More precisely, individuals submitted to the regime of publicity, i. e. transparency, will anticipate the painful punishment of the public opinion, when they do not fulfill their duty. In other words, since they now take into account the public's punishment into their own pleasure and pain calculation, they are encouraged to act rightfully: the social dilemma is solved and individual action contributes to the public's interests. Thanks to publicity, interest and moral coincide: «Without publicity, no good is permanent: under the auspices of publicity, no evil can continue» (Bentham, 1843b, Of Publicity) Now, let's underline that this reasoning is still based on rational choice theory: one does fulfill her duty because she anticipates the public's punishment. Moral is not the motive of action, but morality is the result of rational actions.

Bentham introduced also morals as a motive of individual action. According to Bentham, transparency, as a

* Centre de Droit Public (University of Lausanne); Phare (Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne)
E-mail: amanar.akh@gmail.com

way to put individuals under the eye of the public, is a way to turn individuals into morals. Individuals living under a regime of transparency are able not only to calculate pleasures and pain, but they are also able to feel shame when they did wrong, to behave according to moral values, and to reform. Furthermore, thanks to moral learning and emulation, transparent society is a school of morality and a way to «discipline», to «rectify», to «reform». Following Bentham's view, homo oeconomicus behaving according to the calculation of pleasures and pains is also a moral subject (see: Foucault, 1975).

This paper will deal with the possibility to consider, in Bentham's works, rational individual submitted to the regime of transparency, also as moral subjects.

Bibliography

Bentham, Jeremy. 1843a. *The Works of Jeremy Bentham* vol. 8, edited by John Bowring. Edinburg : Simpkin, Marshall & Co.

Bentham, Jeremy. 1843b. *The Works of Jeremy Bentham*, vol. 2. In *The Works of Jeremy Bentham*, edited by John Bowring. Edinburgh: William Tait, 1838–1843.

Foucault, Michel. 1975. *Surveiller et punir. Naissance de la prison.* Paris : Gallimard. English translation, *Discipline and Punish*, 1977.

Культурная размерность экономики

Cultural dimension of economy

В пору становления экономической науки, когда обществознание не было разобщено дисциплинарными перегородками, культуре нередко отводилось важное место среди факторов роста общественного богатства. Развитие процессов теоретизации экономической науки сопровождалось отторжением попыток исторической школы и вебленовского институционализма реинтегрировать культурные факторы в ее предметное поле и закрепило их маргинализацию в экономических исследованиях. На рубеже XX–XXI веков ситуация стала меняться. Инициатором переосмысления научной картины экономической реальности в рамках так называемого когнитивно-культурологического поворота выступил один из лидеров новой институциональной экономики Дуглас Норт.

«Основное внимание, — считает Норт, — мы должны уделить вопросу обучения, понимаемого как освоение совокупного опыта прошлых поколений. <...> Совокупные знания общества, воплощенные в языке, человеческой памяти и системах хранения символов, состоят из верований, мифов, обычаев, которые составляют культуру общества»²

Этот пункт — главная логическая развилка, где Норт разошёлся с преобладающей среди экономистов традицией в понимании человеческого поведения. Опираясь на исследования философа-когнитивиста Энди Кларка, он недвусмысленно дистанцировался от «индивидуалистической концепции познания, в соответствии с которой работа, связанная с принятием решений, происходит в голове индивида», и солидаризировался с альтернативной позицией, согласно которой «значительная часть этой работы выполняется институциональными структурами общества». Когнитивно-культурологический поворот Норта был встречен коллегами-экономистами с настороженностью, что не удивительно. Экономическая теория лишь отчасти и только в самое последнее время смирилась с необходимостью введения в свою онтологию институтов, которые можно интерпретировать как фиксацию совокупности норм и правил, регулирующих поведение, т. е. как некую статику культуры. Динамика же культуры — процессы и механизмы поддержания и созидания культурных образцов — никогда всерьёз не попадала в поле зрения экономистов-теоретиков. В отношении основного корпуса экономико-теоретического знания иного и быть не могло, хотя бы в силу принципа равновесия, лежащего в его основе.

Когнитивно-культурологический поворот требует введения в картину экономической реальности качественно новой причинно-следственной цепочки, связанной с поддержанием культурных кодов, составляющих содержание институциональной среды экономической деятельности.

Институты и есть те механизмы, посредством которых происходит трансляция культурных норм, их поддержание и адаптация. Образно говоря, это одновременно процессор и диск памяти, содержащий классификации объектов и субъектов социума вместе с программами (нормами, правилами, установками) поведения последних.³ Попытка понять механизмы функционирования внеличного знания упираются в вопрос об институтах как реальности, об их двойственной природе. Двойственность институтов означает, что они имеют не только идеальную размерность, но и «живую плоть». Они существуют «физически», т. е. служат не только рамками, направляющими

* Кандидат экономических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Россия

Candidate of sciences, professor of the National research university «Higher School of Economics», Russia

E-mail: ananyin@hse.ru

² Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М., 2010. С. 9.

³ См.: Стёпин В. С. Российская ментальность и рыночные отношения // Экономическая теория марксизма и современность: Труды научного семинара. Вып. 2 / Отв. ред. В. А. Медведев. М.: ИЭ РАН, 2011. С. 240–241.

социальную и экономическую деятельность, но и являются составной частью социальной и экономической реальности. Это и государственные службы, отвечающие за правопорядок, и правовые институты, призванные обеспечивать правосудие, и образовательные учреждения, передающие знания, и учреждения культуры, формирующие образцы поведения, наконец, семьи, передающие опыт поколений.

Вопрос в том, как обеспечить таким организациям режим функционирования, защищенный как от диктата текущей политической целесообразности, так и от власти рынка с его узким временным горизонтом.

Корпоративная культура как рутинизированный процесс

The Corporate Culture as a Routinized Process

Современная экономика является экономикой корпораций. Корпорации — это и место работы, и среда формирования мировоззрения, и способ самореализации человека. При этом сущность корпорации состоит в способности быть институционально автономной формой организации материального производства. И именно поэтому корпорации способны генерировать и развивать новые нормы и правила, осуществлять их экспансию вовне корпорации. Таким образом, корпорации становятся важной частью институционального механизма общества.

Одновременно необходимо отметить, что одной из важнейших частей институционального механизма общества является культура, в которой содержатся неcodифицируемые навыки взаимодействия субъектов. Культура всегда выступала важнейшей частью экономических отношений, но крайне редко становилась предметом изучения в экономической науке. Не стала исключением и современная теория корпорации. Корпоративной культуре отводится место лишь среди прикладных дисциплин, изучающих явленческую сторону экономических отношений субъектов корпорации.

Вместе с тем сегодня становится очевидным то влияние, которое оказывает корпоративная культура на поведение субъектов, на успешность тех или иных стратегий, на жизнеспособность самой корпорации. Однако общепризнанного теоретического базиса для изучения корпоративной культуры до сих пор нет. Мы предлагаем рассмотреть корпоративную культуру в контексте триады институтов корпорации. Речь идёт о системно-институциональной концепции корпорации, согласно которой всё многообразие институтов корпорации может быть систематизировано и упорядочено в три типа: принуждения, содействия и оппортунизма. Корпоративная культура будет частью института содействия корпорации. Её можно рассматривать как совокупность однородных рутин — «рутин общности», под которыми предлагается понимать укоренённые в корпорации нормы взаимодействия субъектов, проявляющиеся в повторяющихся командных умениях и навыках построения и практического использования общих ментальных моделей.

Рутины общности возникают эволюционно, на основе взаимодействия индивидуальных представлений субъектов корпорации о «правильности» тех или иных действий, включая процедуры разрешения таких известных дилемм, как «партикуляризм-универсализм», «оценка статуса — оценка достижений», «диффузные — конкретные роли», «эмоциональность — нейтральность», «коллективизм — индивидуализм». В результате внешне хаотичного взаимодействия субъектов формируются конкретные повторяющиеся практики, которые можно идентифицировать как рутины.

Рутины общности, формирующие корпоративную культуру, превращают корпорацию в единый организм, трансакционные издержки сокращаются и возникают конкурентные преимущества, легко описываемые как goodwill, но с трудом вербализуемые. Корпоративная культура может описываться

* Доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета, Россия
Doctor of Economics, professor, director of the Institute of Economics of industries, Chelyabinsk State University, Russia

** Кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Россия
Candidate of Economics, associate professor of Department of Economics of industries and markets, Chelyabinsk State University, Russia
E-mail: pletnev@csu.ru

как непрерывный процесс зарождения, изменения и гибели конкретных рутин, обеспечивающий необходимое качество внутренней среды корпорации для реализации её функциональных стратегий (т. е. действия института принуждения) и роста благосостояния акционеров (т. е. действия института оппортунизма).

Рутины общности должны служить в корпорации инструментом «уравновешивания» негативных последствий абсолютизации следования частному интересу. Для этого в корпорации должны быть созданы условия благоприятствования свободному трансферу знания (речь идёт о его восходящих и горизонтальных «экстенсивных» потоках). И главное, «вокруг» чего возможно формирование корпоративной культуры — это идея корпорации, не сводимая к миссии-лозунгу, а проникающая во все сферы деятельности и упорядочивающая индивидуальные векторы движения её субъектов.

*Болдырев Иван Алексеевич
Boldyrev Ivan**

*Кирчик Олеся Игоревна
Kirtchik Olessia***

Советские экономисты-математики в эпоху Брежнева: дисциплинарный статус и эпистемическая культура

Soviet Mathematical Economists during the Brezhnev Era: Disciplinary Status and Epistemic Culture

This paper explores disciplinary status and identity of the Soviet mathematical economics which emerged and developed mostly during the Brezhnev era. Based on interviews with Soviet mathematical economists we try to reconstruct a disciplinary history of this community and compare the Soviet tradition with the Western neoclassical economics.

In the USSR, as in the USA and France, the beginnings of mathematical economics were marked by a tension with the mainstream economics profession. A relatively small group of academics called «mathematical economists» got access to extensive funding and institutionalized itself due to the Cold War political climate that was relatively favorable to planning, mathematization, and general rationalization of the social sciences. But, comparatively to the US, the Soviet mathematical economics developed with a certain delay (the book by Kantorovich was published only in 1959 and CEMI, the most important Soviet institution in the field, was established in 1963) which can be explained by the absolute monopoly of the Marxist-leninist political economy and a general mistrust towards «cybernetic» ideas. However, the presence in the Soviet academia of extremely strong mathematical schools and bright personalities having a national and international recognition, such as Kantorovich or Pontryagin, paved the way to the Golden era of Soviet cybernetics and optimization theory.

In the USA and, with a long lag, in Europe mathematical economics in various forms succeeded to prevail over other schools and rather quickly became the mainstream. In the USSR where academic culture was much more under the control of the state and academic autonomy was negligible no such turn ever happened. Mathematical economists stayed a minor group of scholars with a relatively small influence at the universities, concentrated mainly on theoretical work. It entailed certain difficulties in reproducing and enlarging the community.

This cleavage between mathematical and non-mathematical economists, typical for all countries in the Soviet case did not imply a theoretical polarization or cross-fertilization. Whereas in the States and especially in Europe there still was an opportunity for theoretical dissent, not least due to the strong tradition of interdisciplinary social research, Soviet political economists who stayed within the official paradigm, never could establish any links to other social theory or integrate the achievements of theoretical (mathematical) economics. Inversely, because of their semi-marginal position in the intellectual and institutional space of economic sciences, the work of most Soviet mathematical economists was confined to purely technical (mathematical) problems and did not entail any extensive considerations of «economic reality» or dialogue with social theory. Soviet mathematical economists considered themselves primarily as mathematicians

* Кандидат философских наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия; приглашенный исследователь, Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия
Candidate of sciences, associate professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; Visiting scholar, Humboldt University, Berlin, Germany
E-mail: iboldyrev@hse.ru

** PhD, старший преподаватель и ведущий научный сотрудник, НИУ ВШЭ, Москва, Россия
PhD, assistant professor and senior research associate, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
E-mail: okirtchik@hse.ru

(even when they were brought to work on «economic problems») and often preserved their institutional connections within mathematics.

There was a clear conceptual difference in modeling practices. Soviet economists developed their planning models building mainly upon the notions of balance, technology and production sector without any considerations of demand and incentives structures. This technocratic orientation was crucial for the general development of Soviet mathematical economics, based on the engineering and practical background of its protagonists, but also on general ideological underpinnings of input-output analysis, optimal growth theory, and mathematical programming. The supply side was always considered as primary, and the general aim of economic analysis was to provide optimal decisions for the design of production sector compatible with the state interest and usually with some vague notion of the consumer sector and its planned needs.

Both in the USSR and in the US³ anti-Semitism was an important element of academic culture during the Cold War era that clearly influenced the development of the field. In the Soviet case, the Jews who could not enter mathematical departments and institutions still could become mathematicians but found recognition and job as applied mathematicians and mathematical economists. So the field of mathematical economics benefited greatly from the influx of talented mathematicians especially during the 1960's. The general relatively «liberal» atmosphere in mathematical-economic institutions was an important factor that both caused and was reinforced by this specific aspect of Soviet academic culture of mathematical economics.

³ Weintraub, E. Roy. 2012. Keynesian Historiography and the Anti-Semitism Question // History of Political Economy, vol. 44. No. 1. P. 41–67.

Божественная концептосфера в проповедях Уриана Оукса

The Divine conceptual sphere in Urian Oaks's sermons

После того как протестантизм утвердился как государственная религия, развитие теологической мысли продолжалось. Теологи разрабатывали вопросы, связанные, прежде всего, с проблемами социальных практик — гражданского строительства, труда и производства. В этом направлении подверглась переосмыслению и сущность Бога, примером которого явилась деятельность пуританского священника, ректора Гарварда Уриана Оукса (Urian Oakes, 1631–1681). В одной из проповедей, посвященной Суверенной Действенности Божественного Провидения (The Sovereign Efficacy of Divine Providence), он развивает представление о Боге, не характерное для прежних эпох.

В раннем христианстве отцы церкви, говоря о Боге, святых, монахах, подчеркивали духовность их трудов и инструментов деятельности, например, Евагрий Понтийский трактовал «делание» как «духовный метод, очищающий страстную часть души», и сводил его к непрерывным молитвенным трудам; Августин характеризовал деятельность монахов как «труды слов», «словесное служение», «управление сердцами», страстями и т. п., в которых основную роль играли слово, воля, любовь, благодать, благоволение и другие духовные средства.² Такую же трактовку «делания» внедряло в свою паству и российское православное духовенство, отдавая ей явный приоритет по сравнению с материальными практиками.³

Оукс же говорит о Боге, как о реальном руководителе, который управляет людьми и контролирует их дела, действует, как менеджер, и при этом не ограничивается ролью верховного командующего или пассивного созерцателя. Он активный работник (*worker*), который производит (*produces*), пользуется инструментами и проверяет их (*gives check to the ablest instruments*), владеет мастерством (*workmanship; craftsmanship*); его труды рассматриваются в производственных терминах эффективности и достаточности (*efficiency and sufficiency*).

В процессе труда он участвует не актом своей воли, а с помощью определенных средств (людей и инструментов). Для оправдания значения усилий людей Оукс развивает теорию о вторичных причинах (*second causes*), согласно которой Бог-деятель привлекает людей для партнерства и содружества с ним (*partnership и fellowship*) в его провиденциальном промысле. Он принимает участие в их операциях (*concurrs with them in their operations*), сотрудничает (*cooperates*) и работает вместе с ними (*works jointly*). Люди — партнеры и помощники Бога, его соратники (*under-workers и co-workers*) и поэтому могут влиять на ход и исход событий, предприятий, дел. При этом Оукс делает акцент на могуществе божественных рук: ими Бог метает стрелы, раздаёт шансы, руководит, управляет, делает и т. п. («*All the chances that happened to men ... are in the hand of God*»; «*The arrow was directed ... by the hand of God*»; «*All casualties in the world are guided by the steady hand of the great God*»; «*Despicable instruments ... do great things in His hand*»; «*Infallible determination of all events in His own hand*»)⁴.

Основная цель проповеди, предназначенной для фермеров, моряков и купцов, ученых, чиновников и священников, политиков и солдат, — опровержение «прискорбного» представления о Боге как о ничего не делающем («*It is a lamentable thing that He that doth all is thought to do nothing!*») и иллюстрация

* Кандидат философских наук, доцент Воронежского государственного университета, Россия
PhD in Philosophy, associated professor of Voronezh State University
E-mail: vgushchina@mail.ru

2 Евагрий Понтийский. Слово о духовном делании, или монах (<http://www.pagez.ru/lsn/0180.php>); Августин. О предопределении святых (<http://reformed.org.ua/2/72/Augustine>).

3 См.: Умное делание. О молитве Иисусовой. Издание Троице-Сергиевой Лавры, 1992.

4 См.: Oakes U. The Sovereign Efficacy of Divine Providence / The American Puritans: Their Prose and Poetry / Ed. by P. Miller. New York: Doubleday Anchor Books, 1956. P. 192–221.

его постоянной и повсеместной занятости и эффективности его действий, имеющих подчеркнuto трудовой характер («*He works all in all*»). В итоге божественная концептосфера (субъект, средства, результаты, процесс труда) приобретает последовательно «трудовой» характер, соответствующий существовавшему уровню производства, основной формой которого была мануфактура.

В Православии концепция Бога, «который через “да будет” творил мир», осталась практически неизменной, как и представление о рае, как о состоянии праздности. Неслучайно, в начале XX века К. Малевич видел идеальное состояние человечества в покое и лени, когда «оно освободится от труда и обретет покой, вечный отдых как лень, и войдет в образ Божества. Так оправдывается легенда о Боге как совершенстве “Лени”». ⁵

⁵ Малевич К. Лень, как действительная истина человечества (http://old.russ.ru/publishers/extracts/20041123_km-pr.html)

Проблема формирования ценностных ориентиров в кредитных отношениях в современной России

Problem of the formation of value orientations in the credit relations in modern Russia

С сожалением приходится констатировать, что в современной экономике утрачены общечеловеческие ценности и моральные ориентиры. Дискуссии о моральном или аморальном поведении тех или иных лиц или организаций вытеснены из публичной сферы. Правильным считается поведение, отвечающее правилам и обязательствам, иначе говоря, если закон не нарушен и исполнены обязательства, то о морали не приходится говорить. Такая ситуация наблюдается во всем мире, но в России она проявляется особенно остро.

Наиболее наглядно отход от моральных ценностей проявляется в проблеме современного ростовщичества. В современном обществе, как представляется, не должно быть места такому явлению, как ростовщичество. Однако на самом деле в последние годы России ростовщичество является очень распространенным явлением. Современные ростовщичество одалживают деньги по фантастически высоким ставкам от 100 до 600% и даже более в годовом исчислении. Если раньше официально разрешенное ростовщичество группировалось в основном в ломбардах, то с января 2011 г. появились новые организационные формы ростовщической направленности, а именно микрофинансовые организации (МФО). Эти организации представляют собой юридические лица, имеющие право выдавать займы до 1 млн рублей, причем в эту сумму входят и все уплаченные по займу проценты. Причем, не являясь формально кредитными организациями, они не подпадают под надзор со стороны ЦБ РФ, что дает им конкурентное преимущество перед коммерческими банками.

Очевидно, что взимание таких высоких процентов является несправедливым в первую очередь по отношению к заемщикам и поэтому государство должно ограничить размер их процентных выплат кредиторам. Но высокие процентные ставки несправедливы и по отношению к другим кредитным организациям, которые не могут в силу формальных ограничений устанавливать такие же высокие процентные ставки. В Государственную Думу уже внесен законопроект, по которому будет ограничена полная стоимость кредитов, выдаваемых банками или микрофинансовыми организациями физическим лицам в пределах 120% в годовом исчислении. Данная ставка процента считается депутатами приемлемой и справедливой по отношению к микрофинансовым организациям (впрочем, их владельцы так не считают), но этого нельзя сказать про потребителей, пользующихся услугами этих организаций. Это очень искаженное понятие о справедливости, которая всегда предполагала равенство сторон. Удивляет, что подобные предложения не вызывают широкого общественного резонанса.

Думается, что главной причиной такого положения дел с определением ростовщичества является крайне малое количество научных исследований, посвященных этой проблематике в настоящее время. Требуется сформировать негативное общественное мнение относительно ростовщичества, как это было, например, во времена Ф. Аквинского в Европе. Именно благодаря работам, осуждающим процент, власти европейских государств законодательно устанавливали предельные нормы процента.

* Доктор экономических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, Россия
Doctor of Economics, the docent of St. Petersburg state university, Russia
E-mail: assigna@rambler.ru

Дуглас Норт о культуре

Douglass North on Culture

Вопрос о роли культуры в прогрессе и отсталости стран и народов — один из наиболее спорных в современной экономике развития. На этот счет высказываются самые различные, нередко прямо противоположные мнения. В качестве примера можно привести материалы дискуссии, состоявшейся в декабре 2006 г. в Вашингтоне в Институте Катона.²

В последней персональной монографии «Понимание процесса экономических изменений» (впервые издана в 2005 г.) Норт пришел к однозначному выводу о том, что «культурный компонент воздвигнутого людьми здания также является ключевым фактором, определяющим эффективность известных из истории экономик и государств».³

Сравнительный анализ творчества Норты на протяжении времени свидетельствует, что такое представление сложилось далеко не сразу. Если обратиться к его предшествующей по времени книге, изданной на западе шестнадцать лет назад, то можно заметить остаточное, но еще довольно сильное влияние неоклассического мейнстрима. Оно проявлялось в том, что главным источником исторической динамики объявлялось изменение относительных цен. Они были первичны по отношению к нормам и идеологиям: «Глубокие изменения в соотношении цен приводят к изменению норм и идеологий».⁴

В монографии 2005 г. об изменениях относительных цен упоминается гораздо реже. При этом их место творца исторического процесса занимает культура. Это видно из следующего ее определения: «Культура общества есть кумулятивная структура правил и норм (а также убеждений), которую мы наследуем из прошлого, которая определяет наше настоящее и влияет на наше будущее».⁵ В другом месте демонстрируется еще большая приверженность «культурному детерминизму»: «Культурное наследие формирует искусственную структуру (убеждения, институты, инструменты, технологии), которая <...> дает нам ключи к динамическому успеху или поражению обществ во времени».⁶

Принципиально важно определить: что понимать под термином «культура»? Заметим, что для отечественной традиции характерно предельно широкое ее понимание: «Культура — это вся сфера надприродной активности человека».⁷ Или же она понимается как «универсальный всеобщий принцип надприродной активности».⁸

Как видно из вышеприведенных цитат из работы Норты, его определения более конкретны. Особо выделим короткую формулировку: «Культура общества — это кумулятивная совокупность всех существующих представлений и институтов».⁹ Иначе говоря, культура — это представления (убеждения) плюс институты. Именно такое ее понимание легло в основу схемы, приведенной ниже. Таким образом, институты включаются в широкое определение культуры. И если «институты имеют значение», то и культура имеет значение.

* Кандидат экономических наук, профессор НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург
Candidate in Economics, professor of National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg
E-mail: zao-and@yandex.ru

2 How Much Does Culture Matter? (<http://www.cato-unbound.org/archives/december-2006>)

3 Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М., 2010. С. 10.

4 Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.. С. 175–176.

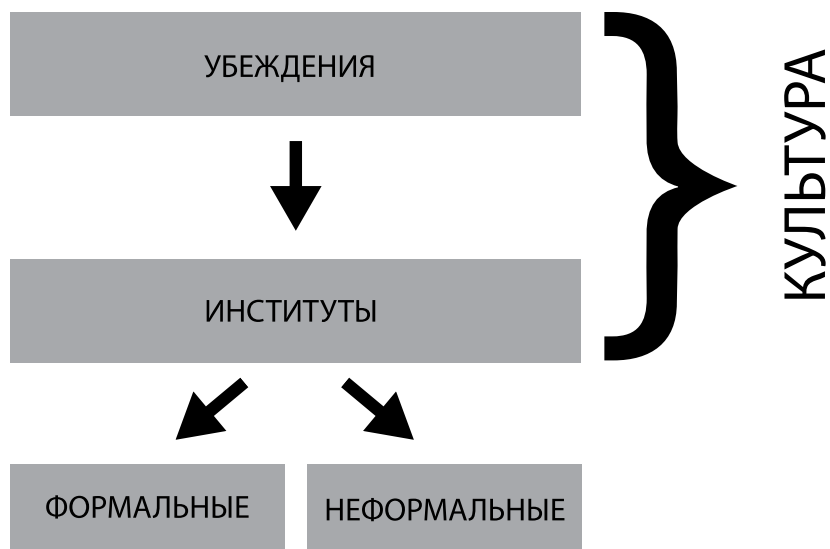
5 Норт Д. 2010. С. 20.

6 Там же. С. 61.

7 Куда ведет кризис культуры? / Под ред. И. М. Клямкина. М., 2011. С. 77.

8 Там же.

9 Норт Д. 2010. С. 124.

Культура: структурные компоненты

«Культура «представляет собой межпоколенческий перенос норм, ценностей и идей».¹⁰ Обществу бывает необходимо время от времени давать ответы на новые вызовы и именно «культурное наследие во многих случаях будет определять их успех или неудачу».¹¹

Устойчивость культурного наследия порождает «эффект колеи», который трактуется Нортом как «способ, при помощи которого институты и убеждения, сформированные в прошлом, влияют на нынешние решения».¹²

Норт указывает, что «вопрос о том, в какой степени это культурное наследие «поддается» целенаправленной модификации, до сих пор остается малоизученным».¹³ Однако «оно при любых условиях резко ограничивает наши возможности по осуществлению изменений».¹⁴

¹⁰ Там же. С. 81.

¹¹ Там же. С. 35.

¹² Норт Д. 2010. С. 39.

¹³ Там же. С. 224.

¹⁴ Там же.

Политико-идеологические аргументы в дискуссиях о необходимости международной финансово-экономической координации в период между двумя мировыми войнами

Political and ideological arguments in the discussions on the rationale for international policy coordination between two world wars

Первая мировая война продемонстрировала потенциал как военного, так и политического и финансово-экономического сотрудничества, поэтому неудивительно, что к её окончанию идеи укрепления международного сотрудничества и координации уже на мирной основе приобрели большую популярность. В 1931 г. британский историк Арнольд Тойнби писал: «В послевоенный период ключевой тенденцией в международных отношениях стала тенденция превращения всех человеческих дел в международные».² Тойнби признавал, что международное взаимодействие и сотрудничество в экономической сфере началось задолго до войны, еще тогда, когда началась колонизация рынков европейскими державами. Однако в сфере политической и культурной мир к 1914 г. был далек не только от реального сотрудничества и конструктивного взаимодействия, но и от осознания и признания необходимости такого развития событий. Первая мировая война в корне изменила отношение к проблеме международного сотрудничества, расширив общественное видение его необходимых масштабов и привнеся в него политические и культурные аспекты.

При этом всеобщий настрой на кооперацию в то время был связан не столько с осмыслением и осознанием собственно экономических выгод от международной координации политики, сколько с крайней непопулярностью идей изоляционизма и национализма, в том числе в экономической сфере, которые в тот исторический момент рассматривались в качестве идеологических истоков войны. Эта трактовка коснулась, например, взглядов Фридриха Листа на предпочтительный путь развития экономики Германии, изложенных в книге «Национальная система политической экономии».³ Собственно же аргументация в пользу международного экономического сотрудничества и координации в тот период была довольно сырой, иногда наивной.

На волне антивоенных и пацифистских настроений в послевоенный период идея о том, что экономические соображения были одной из важных причин начала Первой мировой войны, а значит ключ к предотвращению новой войны следует искать в этой же сфере, приобрела популярность и среди обществоведов, и среди политиков. Так, представитель британской Лейбористской партии Дж. Мэллон⁴ в 1923 г. прямо увязывал перспективы дальнейшего мирного сосуществования мировых держав с наличием скоординированной международной экономической политики, направленной прежде всего на обеспечение свободы торговли, свободы конкуренции, на недопущении монополизма и имперского изоляционизма, при котором метрополии эксплуатируют ресурсы своих колоний, не допуская их вовлечение в мировые торгово-экономические отношения.

Экономический дискурс в то время базировался на тех же идеологических и методологических предпосылках. Так, Э. М. Паттерсон, профессор Университета Пенсильвании в Филадельфии, в своей

* Кандидат экономических наук, старший преподаватель Факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета, Россия
Candidate of economic sciences, senior lecturer of the Faculty of Liberal Arts and Sciences of St. Petersburg State University, Russia
E-mail: dkadochnikov@yahoo.com

2 Arnold J. Toynbee. World Sovereignty and World Culture: The Trend of International Affairs Since the War. Pacific Affairs, vol. 4. No. 9 (Sep., 1931). P. 753.

3 Лист Ф. Национальная система политической экономии / Под ред. К. В. Трубникова. СПб., 1891.

4 J. J. Mallon. An International Economic Policy // Annals of the American Academy of Political and Social Science, vol. 108, America's Relation to the European Situation (Jul., 1923). P. 112–113.

статье⁵ 1919 г., посвященной экономическому интернационализму, связал его целесообразность с потенциально разрушительными последствиями международной конкуренции, которая, как виделось тогда, может быть поддержана правительствами разных стран в интересах своих производителей, тем более что во время войны роль государства в экономике резко возросла, а в конечном итоге может выродиться в господство международных монополий.

Дж. Рассел Смит⁶, профессор промышленности Университета Пенсильвании, развивая идею об экономическом интернационализме, пишет о необходимости создания под эгидой Лиги Наций международного механизма защиты зарубежных инвестиций и защиты доступа к зарубежным рынкам. В какой-то мере его предложения созвучны принципам, которые впоследствии легли в основу ГАТТ и ВТО. Аргументация Смита в пользу международного подхода к защите инвестиций и свободы торговли (включая санкции в виде экономического бойкота стран-нарушительниц) носит не столько теоретико-экономический, сколько политический характер; по небезосновательному мнению Смита, именно борьба за возможность осуществления инвестиций, за доступ к концессиям, за соблюдение прав инвесторов, а также за возможность ведения торговли была причиной войны.

Идеологическая атмосфера послевоенных лет прекрасно отражена в работе Джона Мейнарда Кейнса «Экономические последствия мира»⁷, вышедшей в 1920 г. Анализируя политические и экономические аспекты Версальского мирного договора и их возможные последствия, Кейнс присоединяется к тем многочисленным наблюдателям, которые понимали, что условия мира, крайне унижительные и разорительные для Германии, могут стать причиной серьезных проблем в будущем. Кейнс рассматривает проблемы восстановления европейской и мировой экономики не столько в контексте отдельных государств и их национальных интересов, сколько в контексте общеевропейском и глобальном. В его анализе довоенных политических и экономических связей в Европе присутствует четкое понимание того, насколько многочисленны и крепки были хозяйственные связи европейских стран до Первой мировой войны, включая как торговые связи, так и взаимные инвестиции. Кейнс утверждал, что восстановление европейской и мировой экономики может быть полным и устойчивым только при условии восстановления полноценных экономических связей между звеньями мировой экономической системы ввиду взаимодополняемости и взаимозависимости практически всех экономик мира. В этом же он видел и единственно возможный залог прочного мира и прогресса в будущем.

Рассуждения Кейнса и многих других экономистов того времени представляют интерес не только благодаря тому этическому компоненту, который они привносят в дискуссию, но и в том, что они рассматривают экономические и политические аспекты этой и других проблем в их неразрывной взаимосвязи, чем часто пренебрегают современные экономисты, видя в этом едва ли не признак непрофессионализма. Между тем, представляется, что существующее ныне разделение экономического дискурса на позитивный и нормативный, сама попытка вывести ценностные установки и суждения за рамки анализа — это признак углубляющегося кризиса экономической теории, а отнюдь не внутренне присущая это науке черта. Впрочем, и в наши дни экономисты, особенно в анализе тех или иных проблем, касающихся международных экономических отношений, несвободны от ценностных установок, но, к сожалению, в отличие от экономистов прошлого, предпочитают не выносить сами эти установки на обсуждение, делая вид, что сохраняют беспристрастность и объективность.

5 E. M. Patterson. Economic Internationalism // Annals of the American Academy of Political and Social Science, vol. 83, International Economics (May, 1919). P. 1–15.

6 J. Russell Smith. Trade and a League of Nations or Economic Internationalism // Annals of the American Academy of Political and Social Science, vol. 83, International Economics (May, 1919). P. 287–305.

7 Keyens, John Maynard. The Economic Consequences of the Peace. London: Macmillan and Co., 1919.

Некоторые исторические замечания о понятии «эволюционно стабильная стратегия»

Some historical notes on the conception «evolutionarily stable strategy»

The results obtained in various fields of science, create conditions for the formation of scientific concepts and approach the level of philosophical generalizations. This is an expression of strengthening ideological and cultural values of one or another science. In the second half of the twentieth century, it happened with the economic science.

Already in 1938 the British scientist R. A. Fisher, the prominent mathematical statistician and at the same time the biological evolutionist and the geneticist, in fact used game-theoretical ideas for constructing a mathematical model of natural selection. In 1958 in a little known paper he wrote that about the relation between species or among the whole assemblage of ecology we may think «by the analogy of games of skill, or so to speak somewhat more pretentiously, of the Theory of Games». Further, he remembers that J. von Neumann and O. Morgenstern have developed a general minimax principle. However what Fisher has suggested is not evolutionary game theory, yet. The players he had in mind were species, not individuals.

In the 1949 doctoral thesis John Nash wrote:

«We shall now take up the “mass action” interpretation of equilibrium points... It is unnecessary to assume that the participants have full knowledge of the total structure of the game, or the ability or inclination to go through any complex reasoning process. But the participants are supposed to accumulate empirical information on the relative advantages of the various pure strategies at their disposal.

To be more detailed, we assume that there is a population (in the sense of statistics) of participants for each position of the game».

After relevant technical calculations Nash concludes:

«Thus the assumptions we made in this “mass-action” interpretation lead to the conclusion that the mixed strategies representing the average behavior in each of the populations form an equilibrium point».

So, now we may only regret that the cited part of Nash's dissertation has been published only in the middle of 1990th years.

Thus the conception «evolutionarily stable strategy» was offered and put into circulation by the outstanding British evolutionary biologist J. Maynard Smith, in 1973.

So, it is interestingly to compare the conception «evolutionarily stable strategy» with the conception «Nash equilibrium». Let us introduce the signs: σ and μ — strategies; F_0 — primary fitness of individual; $\Delta F(s_1, s_2)$ — the change of fitness of such the individual which holds to the strategy s_1 instead to s_2 ; p — the part of individuals holding to the strategy μ . Then the conditions for some strategy being evolutionarily stable one are defined in such the way:

$$F(\sigma) = F_0 + (1 - p) \Delta F(\sigma, \sigma) + p \Delta F(\sigma, \mu)$$

$$F(\mu) = F_0 + (1 - p) \Delta F(\mu, \sigma) + p \Delta F(\mu, \mu).$$

* Доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Россия
Doctor of Philosophy, professor of St. Petersburg State University, Russia
E-mail: EK1549@ek1549.spb.edu

It must be obtained: $F(\sigma) > F(\mu)$. Given the assumption that in the beginning of the process p represents only a small part of the population and that $\mu \neq \sigma$:

(1) $\Delta F(\sigma, \sigma) > \Delta F(\mu, \sigma)$ or

(2) $[(\Delta F(\sigma, \sigma) = \Delta F(\mu, \sigma)) \& (\Delta F(\sigma, \mu) > \Delta F(\mu, \sigma))]$.

The condition (1) may be called «the strong Nash equilibrium» and the condition (2) — «the second Maynard Smith condition». In fact, this pair of the conditions represents some improvement of the concept «Nash equilibrium» which is expressed by the formula $F(\sigma) \geq F(\mu)$. Furthermore, sometimes Nash equilibrium takes a place only if there are a reciprocal being kept informed about their strategies and also ability of «rational foresight». Taking down such the limitations adds to the conception «evolutionarily stable strategy» and also to evolutionary game theory in general a rather more meaning as an instrument of theoretical modeling both in the sciences of living Nature and in social and humanitarian sciences.

Культура имеет значение

Culture matters

Culture stands for shared values but also for the qualities of social life. The arts matter for culture, especially when creative and esthetic qualities matter.

Cultural economics is about the realization of values. How do people, how do communities, realize the values of the arts? How come that certain cities do so much better than others? Is it about economics? Do cities better because they have better businesses? Or is it because of their culture? We will explore that question.

The realization of values occurs in markets, by way of governments but also in social situations. The arts have a great deal in common with the sciences and religion. Markets play a role in the realization of the values of the arts, but always a problematic role. Like the sciences and religion, the arts thrive by virtue of ongoing conversations. The arts require more than interested buyers.

The exploration will lead us to reconsider the ways we evaluate cultural organizations.

* Школа истории, культуры и коммуникации Эразмуса, Нидерланды
Erasmus School of History, Culture and Communication, Netherlands
E-mail: klamer@eshcc.eur.nl

Российская традиция экономического анализа конца XIX — первой трети XX в. как историко-экономический и культурный феномен

Russian tradition of economic analysis of the end of 19th — first third of the 20th century as a historical and cultural phenomenon

Еще на заре воссоздания дореволюционной российской экономической школы (в середине 1990-х гг.) было сформировано представление о том, что М. И. Туган-Барановский — «экономист Серебряного века».¹ С тех пор представление об аналитической традиции, по праву составившей гордость отечественной экономической мысли, существенно расширилось. Выяснилось, что помимо Туган-Барановского в традицию необходимо включить имена В. К. Дмитриева, Н. Н. Шапошникова, В. И. Борткевича, Г. А. Харазова, Е. Е. Слуцкого, В. Леонтьева (в период до 1936 г.), Н. Д. Кондратьева. Общей темой для наших экономистов, как удалось показать, была проблематика *хозяйственного кругооборота* экономики, а методом, который может связать их исследования воедино, стал *метод возвратной традиции*, основанный на возвратно-поступательном и безостановочном движении их основных идей. Тем самым практически закрывается брешь, обозначенная утверждением, что «российская школа (Туган-Барановский, Дмитриев и Слуцкий) была загублена в пленках».² И предлагается осязаемый ответ на поставленный на рубеже веков вопрос о «формировании особой, специфической школы российской экономической мысли, занимающей самостоятельное место в мировой науке».³

Историко-экономическое своеобразие российской традиции экономического анализа конца XIX — первой трети XX в. определяется тем, что она (в отличие от западных аналогов) выступила центральным связующим звеном между классической политической экономией — от У. Петти и Ф. Кенэ до К. Маркса — и неорикардрианской ревизией классики, т. е. возникновением сраффианства в 1960-х и 1970-х гг. (*Sraffian school*). Благодаря разработанному методу историко-экономического возвратного анализа творческое наследие Сраффы, реализованное прежде всего в «Производстве товаров посредством товаров» (1960, рус. пер. 1999), не должно рассматриваться как завершающий этап развития российской традиции. Между тем к такому выводу склоняются большинство сраффианцев (Х. Курц, Б. Шефолд, Н. Сальвадори и др.).⁴

Культурологический феномен российской традиции вытекает из соображения, указывающего на наличие *артефакта* в тогдашней российской действительности, а именно — в искомой традиции преобладали экономисты-математики, не связанные с политикой и идеологией, сумевшие подняться над сиюминутными потребностями хозяйственной жизни; поэтому они оказывались «невидимыми» в рамках ключевой дилеммы «народники — марксисты».

* Доктор экономических наук, доцент НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник ИЭ РАН. E-mail: kpn1306@yandex.ru

1 Сорвина Г. Н. Экономист Серебряного века // *Туган-Барановский М.И.* Периодические промышленные кризисы. М., 1997. С. 4.

2 Петраков Н.Я. Предисловие // Новожилов В.В. У истоков подлинной экономической науки. М.: Наука, 1995. С. 4.

3 Абалкин Л. И. Российская школа экономической мысли: поиск самоопределения. М., 2000. С. 5.

4 См. напр.: Курц Х. Д., Сальвадори Н. Теория производства: долгосрочный анализ. М., 2004 [1995]. Гл. 13.

«Рыночные» и «социалистические» ценности в современном массовом сознании россиян. По материалам исследований Левада-центра

«Pro-market» and «pro-socialist» values in Russia today. Based on Levada-center opinion studies

Подавляющее большинство россиян мечтают о социальном государстве, которое гарантирует всем благополучие, обеспечивает бесплатное здравоохранение и образование.

Сможет или не сможет большинство людей в России прожить без постоянной заботы, опеки со стороны государства?

(по опросам ВЦИОМ-Левада-Центра)

	1990	2012
Большинство сможет прожить без опеки государства	21	20
Большинство не сможет прожить без опеки государства	62	75
Затруднились ответить	17	4

Это важнейшее требование. Они считают более правильной систему, основанную на государственной собственности. Но они готовы были бы примириться с системой частной собственности, если социальное государство будет обеспечивать им минимум социальных благ.

В начале перестройки идеалом был «шведский социализм» (от такого курса в Швеции отказались за несколько лет до того). Под ним понимали сочетание изобилия, гарантируемого капиталистической экономикой, и благополучия, гарантируемого социальным государством.

Подавляющее большинство россиян — за право человека на обладание небольшим участком земли на началах частной собственности.

Большинство (менее массивное) поддерживает право граждан владеть небольшими предприятиями (мастерскими, парикмахерскими и т. п.) на началах частной собственности.

Владение большими участками земли и крупной собственностью (заводы) россиянами не приветствуется. Эти активы, полагает большинство россиян, должны оставаться в собственности государства.

Идеологически можно определить такое сознание как социалистическое и мелкобуржуазное.

Отношение россиян к среднему и малому бизнесу вполне положительное. Отношение к крупному и крупнейшему капиталу двойственное.

Деятельность крупных российских бизнесменов и предпринимателей идет сейчас в целом на пользу или во вред России?

(по опросам Левада-Центра)

* Руководитель отдела социокультурных исследований Аналитического центра Юрия Левады (Левада-Центра), профессор НИУ ВШЭ, Москва, Россия
PhD, Social Research Director at Yuri Levada Analytical Center, professor at Higher School of Economics, Moscow, Russia
E-mail: levinson@levada.ru

	2003	2012
Определенно на пользу	9	4
Скорее, на пользу	28	41
Скорее, во вред	35	33
Определенно во вред	16	5
Затруднились ответить	12	17

Считается, что Путин действует в интересах олигархов (вслед за интересами спецслужб).

Интересы каких слоев населения выражает, на ваш взгляд, В. Путин?

(по опросам ВЦИОМ-Левада-Центра)

	2000	2012
Силовиков	54	43
Олигархов	24	39
Государственных чиновников, бюрократии	12	32
Руководителей крупных предприятий	16	26
Людей с доходами выше среднего	10	21
Простых людей	13	14
Ближайшего окружения Ельцина, «семьи»	25	14
Всех без исключения	5	11
Культурной и научной элиты	4	10
Интеллигенции	5	7
Затруднились ответить	13	7

В российском обществе заметно развита дифференциация по вертикали благосостояния и очень мало развита дифференциация по горизонтали — между различными группами в одном доходном горизонте. Обычно ставят задачу сокращения разрыва в доходах. Мы предлагаем задачу увеличения разнообразия образов жизни, моделей потребления. Это смягчит жесткие статусные (вертикальные) контрасты, сделает внутренний рынок более богатым и интересным. Для «социалистической» идеологии будет меньше места.

Деформации в экономической культуре клиентов коммерческих банков Украины

Deformations in the economic culture of clients of Ukrainian commercial banks

В предкризисные годы одним из основных направлений банковской деятельности Украины стало развитие потребительского кредитования. В рекламных акциях банков, переговорах банковских работников с заемщиками четко прослеживалась тактика «навязывания» кредита. Только за период с 01.01.2005 г. по 01.12.2008 г. сумма банковских кредитов, предоставленных частным лицам, возросла в 17 раз — с 14,6 до 249,6 млрд гривен. Процентные ставки по банковским депозитам в эти годы также росли значительными темпами и достигли 24–26% годовых.

Все это способствовало стремительному формированию общества потребления и серьезным деформациям в экономической культуре граждан. С одной стороны, в широких слоях населения укрепилась потребительская модель поведения «жить не посредством», в кредит. С другой стороны, возникла установка получать деньги, не работая. У многих клиентов банков сформировалась типичная ростовщическая идеология, к характерным признакам которой можно отнести:

- стремление к получению существенного пассивного дохода (по депозиту), сопоставимого с предпринимательским;
- паразитизм: полный перенос рыночных рисков на другие субъекты — банки, государство (в лице Фонда гарантирования вкладов) и т. д.; перекладывание последствий валютных колебаний исключительно на коммерческие банки и на банковских служащих;
- использование в личных целях затруднительного положения партнера по сделке (в данном случае банка): несвоевременная оплата процентов по кредитам и даже умышленный невозврат кредита кризисному банку и т. п.

Отчасти сформировавшаяся финансовая культура населения Украины была предопределена рядом объективных и субъективных (ментальных) факторов.

К объективным факторам, по нашему мнению, относятся:

- перекоп в структуре и формах сбережений. Например, в стране отсутствуют пенсионные фонды, которые аккумулируют деньги «на старость»;
- отсутствие облигационных займов, связывающих деньги населения на длительный период;
- слабая развитость массовых инструментов фондового рынка для населения, при использовании которых каждый мог бы получать (пусть опосредованно) предпринимательский доход;
- высокая конкуренция коммерческих банков на рынке пассивов, приводящая к росту процентных ставок по депозитам;
- условия государственного Фонда гарантирования вкладов в коммерческих банках, перекладывающие риски невозврата денежных средств на бюджет страны (что невозможно в предпринимательской среде) и лишаящие население желания анализировать финансовое состояние того или иного банка.

* Кандидат экономических наук, Председатель правления Издательского дома Таадлер, Украина
PhD in Economics, CEO in Taadler Publishing House, Ukraine
E-mail: dmytro.lukin@taadler.com

** Кандидат экономических наук, доцент, ГВУЗ «Украинская Академия банковского дела Национального банка Украины», Украина
PhD in economics, Associate Professor, State Higher Institution «Ukrainian Academy of Banking of the National Bank of Ukraine», Ukraine
E-mail: tatyana_mazylo@ukr.net

К ментальным факторам мы относим следующие:

- слабый дух предпринимательства;
- показная демонстрация личного благосостояния;
- склонность к участию в денежных «пирамидах», приносящих быстрый сверхдоход;
- отсутствие традиций одалживать друг другу деньги под проценты, при этом отношение к банкам как к «враждебным» обезличенным организациям;
- финансовая «память» населения (неудачный или фискальный опыт государственных денежных реформ);
- финансовая неграмотность населения. Например, многие вкладчики воспринимают депозит не как рискованную операцию, а как некую форму хранения денежных средств с «премией». Они не задумываются, что их финансовые средства физически в банке не хранятся, а предоставляются в кредит клиентам этого банка, плата за который и есть источник «премий» по депозитам. Известны случаи, когда один и тот же человек, являясь и должником банка, и его вкладчиком, отказывался платить по кредиту и в то же время требовал вернуть депозит.

В конечном итоге финансовый кризис в Украине высветил инфантилизм и неготовность многих клиентов коммерческих банков нести персональную ответственность за собственные финансовые решения. Поэтому работа в повышении финансовой грамотности населения и выработки высоких стандартов экономической культуры граждан должны стать приоритетной задачей образовательных учреждений, банковских организаций и государства.

Эра буржуазии

The Bourgeois Era

The story of the trilogy, «The Bourgeois Era», is of the rise of a prudential rhetoric in the Netherlands and England in the 17th century, its triumph in the Scottish Enlightenment and American colonial thought in the 18th century, and its decline after 1848 from, as George Bernard Shaw once called it, the Great Conversion. An ethics of the virtues, as old as Aristotle and as new as feminist ethics, provides a way out of the growing self-hatred of the bourgeoisie. Volume 1 is *The Bourgeois Virtues: Ethics for an Age of Commerce* (2006). «Bourgeois virtue» is not a contradiction in terms. Economists are recognizing that virtue underlies a market economy; economic historians have long understood so in the lives of Quakers and the vital few. What the social sciences have not recognized since the 18th century and its notion of *doux commerce* is that a market economy can underlie the virtues. Not all virtues. Some virtues — in fact the ones we celebrate in much of our philosophy and myth — are pagan or Christian, aristocratic and plebeian. We need new philosophies and myths, new readings of the ancient virtues, to suit a world in which we are all now bourgeois.

What made us modern, and rich, was a change in ideology, or «rhetoric». First in little Holland and then in Britain a new dignity and liberty for the middle class freed innovation. A unique wave of gadgets, and then a tsunami, raised incomes from \$3 a day to \$30 a day and beyond. *Bourgeois Dignity: Why Economics Can't Explain the Modern World* (2010) tries to show that the usual materialist explanations don't work — coal, slavery, investment, foreign trade, surplus value, imperialism, division of labor, education, property rights, climate, genetics. Ranging from Adam Smith to the latest theories of economic growth, the book details what is wrong with the routine explanations. The most important secular event since the domestication of plants and animals depended on more than routine. It arose from liberties around the North Sea achieved in the civil and anti-imperial wars from 1568 to 1688, and above all from a resulting revaluation of bourgeois life.

In recent decades China and then India have revalued their business people, and have thereby given hundreds of millions of people radically fuller lives. The modern world began in northwestern Europe, in the same way: ideas led. We must turn from the materialism typical of Marxist or economic approaches, and revise the history in light of a humanistic science of the economy — «humanomics». We should direct attention to meaning without abandoning behavior, using literary sources without ignoring numbers, combining the insights of the human and the mathematical sciences.

The final volume, *The Treasured Bourgeoisie: How Markets and Innovation Became Ethical, 1600–1848, and Then Suspect* (forthcoming 2014) explores the reputational rise of the bourgeoisie, that is, a Bourgeois Revaluation overtaking Holland and then Britain from Shakespeare's time to Adam Smith. It made the modern world. What pushed the world into frenetic innovation were the slowly changing ideas 1600–1848 about the urban middle class and about their material and institutional innovations. A class long scorned by barons and bishops, and regulated into stagnation by its very own guilds and city councils and cozy monopolies, came to be treasured — at least by the standard of earlier, implacable scorn — from 1600 to the present, first in Holland and then in Britain and then the wider world. And when the Amsterdammers after 1600 or so, and the Londoners and Bostonians after 1700 or so, commenced innovating, more people commenced admiring them. The new treasuring of the bourgeoisie, a new dignity and liberty for ordinary people, some few of them in fact possessing treasure, was a change peculiar to northwestern Europe in how people applied to economic behavior the seven old words of virtue — prudence, justice, courage,

* Заслуженный профессор экономики, истории, английского языка и коммуникаций Университета Иллинойса в Чикаго, США
Distinguished Professor of Economics, History, English, and Communication University of Illinois at Chicago, USA
E-mail: deirdre2@uic.edu

temperance, faith, hope, and love. With more or less good grace the people around the North Sea began to accept the outcome of innovation. Then people did so in Europe generally and its offshoots, and finally in our own day in China and India. Most came for the first time to regard creative destruction as just, and were courageous about responding to it, and hopeful in promoting it. Most people, with the exception of the angry clerisy of artists and intellectuals (and even them only after 1848), stopped hating the bourgeoisie as much as their ancestors had for so very long before. Many started loving it. In consequence during a century or two the northwest Europeans became shockingly richer in goods and in spirit. That is, not economics but «humanomics» explains our riches and our ethical lives.

Учетно-экономические категории Библии и Корана

Accounting and Economic categories in the Bible and Koran

Библия (Ветхий и Новый заветы, далее в ссылках — ВЗ, НЗ)² и Коран (далее в ссылках — К)³ содержат категории учета, контроля и регулирующие их законодательные и нравственные нормы. Для соответствия этим функциям учет был письменным и его осуществляли профессионально подготовленные специалисты [ВЗ; К]. Защита текстовой и цифровой информации от последующих искажений обеспечивалась опечатыванием документов [ВЗ; К]. Материальными носителями информации были папирус, глина, позже пергамент [ВЗ]; папирус, пергамент, позже бумага [К]. Формы учетных регистров: книги, свитки, свертки [ВЗ, НЗ]; книги, свитки, памятные листки [К]. Для письменных записей на папирусе и пергаменте применялись чернила и трость [ВЗ; К], на глиняных палетках — стилет [ВЗ]. Документы хранились в архивах [ВЗ].

Перечень учетных объектов имел приоритеты: население, налогообложение, земельные участки, расчеты [ВЗ, НЗ]; товары, финансовые результаты, налогообложение, расчеты [К]. Чрезвычайно много внимания уделено космогоническому, хронологическому, демографическому учету [ВЗ]. Обязательность налогообложения была общим признаком, но с разными акцентами: дифференциация норм сборов и должностей сборщиков налогов [ВЗ], негативное отношение к ним [НЗ]; «налог братства» [К]. В торговле земельными участками имели место приобретение, выкуп, продажа — с распределением платежей и определением финансовых результатов [ВЗ, НЗ]. В торговле товарами определялись доходы, расходы, финансовые результаты [К]. Расчеты оформлялись договором с печатью, залогом, поручителями, свидетелями, переменами лиц в обязательствах, но отмечены риски поручительства [ВЗ; К]. Залоги вначале находились у кредиторов, но затем — у должников [ВЗ].

Измерения учетных объектов фиксировались в натуральных и денежных единицах [ВЗ; К], с осуждением неверного измерения [ВЗ, НЗ], с призывом к справедливости и точности в измерениях [К]. Чрезвычайное впечатление производит оговариваемая «настоящая» цена учетных объектов [ВЗ], аналогом которой в настоящее время является справедливая стоимость по международным стандартам финансовой отчетности.

Методология бухгалтерского учета во всех цивилизациях формировалась в составе первичного учета, текущего учета, отчетности. В отношении первичного учета известны ссылки на юридически оформленные расписки с подписями, печатями, дополнительными мерами защиты [ВЗ], с их учетом в хронологической последовательности [К]. В текущем учете применялись категории прихода, расхода и остатка, с сохранением эволюционно предшествующего инвентарного учета, но его методология прямо не раскрывалась и была профессиональной тайной [ВЗ, НЗ; К]. Отчетность понималась как обобщение информации, учтенной в текущем учете, критерием которой была правдивость [ВЗ, НЗ; К]. Один из сюжетов содержит приоритет честности ответственных лиц, когда от них не потребовали отчета [ВЗ].

Формирование учетно-экономических категорий и бухгалтерского учета происходит по определенным закономерностям, одна из которых — историческая преемственность, несмотря на этнические особенности. Аналогии с древнеегипетским учетом проявляются в применении переписей как инструмента государственного управления [ВЗ], свитков [К], шумеро-вавилонских глиняных палеток [ВЗ; К], древнеримского учетного регистра «адверсарии» [К], печатей на документах [ВЗ, НЗ;

* Доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербург, Россия
Doctor of economic sciences (PhD), professor, St. Petersburg, Russia
E-mail: MalkovaTN@rambler.ru

2 Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. М., 1995.

3 Поэтическое изложение Корана / Поэтический перевод с арабского Теодора Шумовского. СПб., 2009.

К]. Но Библия и Коран содержат оригинальный мощный пласт, который повлиял на европейский [ВЗ, НЗ] и исламский учет [К] до повсеместного распространения итальянской учетной процедуры и двойной записи, с сохранением части учетно-экономических категорий до наших дней.

Но самой привлекательной и актуальной является тема нравственности в учете. Нравственные нормы проявляются в соблюдении законодательства и судебных решений в ранге «мерила правды», осуждении недостоверного учета [ВЗ], соответствии учетных записей правилам справедливости, достоверности, осмотрительности, осуждению расточительства [К]. Отмечены моральная сторона займов, осуждение алчности кредиторов, отсрочки платежей, прощение безнадежных долгов [ВЗ, НЗ]. Банки не описаны, но широко известен сюжет с изгнанием торговцев и менял из храма [НЗ], который свидетельствует о неуместности таких операций в храмах.

Истины, сформулированные в Библии и Коране и в другом экономическом окружении, сохранили свою вечность и значимость для потомков. Следование им есть нравственная основа современного развития экономики и профессиональных требований к экономистам.

Экономическая культура и экономическая практика

Economic culture and economic practice

На конференции поднимается целый пласт философских проблем, связанных с анализом диалектики экономического и неэкономического в общественном развитии, точнее экономического в неэкономическом и неэкономического в экономическом. Речь может идти о культуре экономики и экономического исследования и об экономике культуры.

При исследовании феномена культуры подчеркивается многозначность данного понятия, что отражает процесс развития как самой культуры, так и процесс развертывания понятия культуры. Многозначность определения любого явления, в том числе и культуры, является следствием по крайней мере двух причин. Во-первых, познание любого явления всегда субъективно, т. е. ограничено, конечно. Культура как объект исследования бесконечна и потому объективна, т. е. совершенно равнодушна по отношению к ограниченным возможностям каждого отдельного, даже самого гениального исследователя. Каждый отдельный исследователь не может познать бесконечный объект исследования. Он может познать только то, что опосредовано его вниманием, предметом его исследования. Бесконечный объект исследования познается со стороны множества его предметов исследования. Каждый предмет исследования может иметь свой метод исследования. Вести дискуссию имеет смысл только в рамках определенного предмета исследования. Можно обсуждать вопрос о том, каков цвет яблока, каков его вкус, является ли оно круглым, или не круглым. Но бесполезно спорить о том, красное яблоко, или кислое, или круглое.

Каждый конечный предмет исследования отражает только часть бесконечного объекта исследования. В этом противоречие между объектом и предметом и следования. В данном противоречии проявляется ограниченный характер любого исследования. Противоречие заключается в том, что познавая объект исследования посредством предмета исследования, исследователь искажает в своем сознании объект исследования. То есть, познавая, он искажает исследуемое, но искажая, он его познает. И это единственный способ познания окружающего мира. Вторая причина многозначности определения любого явления заключается в том, всякое явление находится в постоянном движении, развитии. То, что нам удалось познать, зафиксировать в нашем мышлении, это не то, что есть в настоящем периоде времени, но то, что было зафиксировано нами в качестве предмета исследования в прошлом. Это своего рода «фотография» предмета исследования. Поэтому процесс развития явления культуры проявляется в процессе постоянного развития, движения ее определений.

В современной литературе выделяют антропологические, социологические и философские аспекты данного понятия. Ю. М. Лотман рассматривает культуру как средство хранения и передачи социальной информации. Искусство рассматривается им как важнейшая составная часть культуры. Конкретные формы проявления феномена культуры исследуются методами семиотики.

Семантический метод анализа культуры позволяет раскрыть самое первое, самое «чистое», а потому всеобщее определение понятия культуры. В основе данного понятия лежит латинское слово *cultura*, производное от глагола *colere* — возвращать, возделывать землю, заниматься земледелием. В I веке до н. э. это слово получило еще одно значение — просвещенность, воспитанность. В дальнейшем его семантика расширилась до понятия человеческой деятельности.²

* Кандидат экономических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, Россия
Candidate of Economics sciences, the senior lecturer of the St. Petersburg University, Russia
E-mail: miheev.valerii@mail.ru

2 См.: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 2007. С. 89.

Исходным определению культуры является «искусство земледелия», т.е. с самого начала человеческой истории явления культуры рассматривались в тесной связи с хозяйственной практикой. Сократ рассматривал только два вида искусства, достойных свободного гражданина античного общества: занятие земледелием и воинское искусство. Земледелие представляет собой непосредственное общение человека с природой, что позволяет познавать природу и себя в мире природы. Земледелие способствует физическому и духовному развитию человека, доставляет ему большой досуг, что позволяет принимать активное участие в жизни общества. Из земледельца, по Сократу, вырастает хороший воин. Воинское искусство имеет большое значение в жизни общества потому, что свободным может быть только тот, кто способен себя защищать. Под общественным богатством понимается не совокупность накопленных материальных благ, не процесс бесконечного наживания состояния конечным, смертным человеком, а сам человек, развитие его духовных и физических способностей. Экономика как домашнее хозяйство играет важную роль в жизни общества, но она не представляет собой ведущую сферу человеческой деятельности. В этом заключалась античная культура античной экономики, или экономическая культура античного общества.

Экономическая культура эпохи Нового времени строится на протестантской этике, согласно которой экономическая деятельность становится ведущей сферой человеческой деятельности, а накопленное материальное богатство становится основной формой общественного богатства. Однако согласно протестантской этике материальное богатство наживается не с целью его потребления, а с целью дальнейшего развития экономики. Не копить деньги как сокровища, а использовать их в экономических операциях, быть экономным в расходах, избегать расточительства, излишеств и порочной праздности. Стимулировать вывоз за рубеж готовых изделий национальной экономики, но не ресурсов, поскольку страна, вывозящая ресурсы, способствует развитию не своей, а чужой экономики. В этом суть исходного протестантского понимания предпринимательства. Генри Форд говорил о том, что предпринимательство — это не «золотое дно», но служение. Предпринимательство как служение обществу, как служение Богу, — в этом исходная суть предпринимательства как специфической человеческой деятельности. В этом исходная суть предпринимательской культуры.

Развитие предпринимательства лежит в основе развития экономики как прикладного использования достижений науки и научной организации производства. А. В. Луначарский указывал на то, что «в основании европейской капиталистической культуры лежат великие принципы науки и организации».³ В этом два аспекта развития нашего российского предпринимательства. В России все еще остаются значительные ресурсы научной культуры, но ощущается острый недостаток культуры предпринимательского прикладного использования достижений национальной и мировой науки. Очень остро стоит вопрос об организации производства. Современная российская экономическая культура «равнодушна» к организации хозяйственной деятельности как единой системы, точно также, как современная китайская экономическая культура «равнодушна» к проблемам экологии. Проблема организации достаточно легко решается в рамках ограниченного пространства. Очень трудно решать проблемы организации общественного хозяйства на бескрайних российских просторах. И та и другая проблемы решаются только в том случае, если придет понимание предпринимательской деятельности как особой формы служения обществу. Нельзя быть предпринимателем вне общества. Только тот, кто осознает себя как составную часть общества, становится предпринимателем по своей природе, собственно предпринимателем.

3 Луначарский А. Между Востоком и Западом // Запад и Восток: Сборник всесоюзного общества культурных связей с заграницей. М., 1926. С. 12.

Уровень субъективного благополучия и неравенство в Европе

Subjective well-being and inequality in Europe

В настоящее время получает все большую тенденцию оценка благосостояния страны не только на основе показателей материального благосостояния (ВВП на душу населения и т. д.), а и на основе индикаторов субъективного благополучия стран — удовлетворенности жизнью и счастья. Удовлетворенность жизни есть индивидуальная оценка человеком своей жизни и количественно оценивается с помощью ранжированной шкалы (например, от 0 до 10).

Как известно, в странах, лидирующих по уровню дохода, дополнительный доход на душу населения не приводит к росту удовлетворенности жизнью. Известный парадокс Истерлина² не выявляет прямой зависимости между уровнем дохода на душу населения и удовлетворенностью жизнью. Другие исследования, как например, работа Б. Стивенсона и Дж. Вулферса,³ находят зависимость между абсолютным доходом и счастьем. Вариация удовлетворенности жизнью в развитых странах связывается с другими факторами, как, например, неравенство распределения дохода, уровень доверия в обществе и восприятие справедливости. Так, в работе Ш. Ойши и др.⁴ указывается, что американцы сообщали о большей удовлетворенности жизнью в годы с меньшим уровнем неравенства.

Для определения взаимосвязи неравенства распределения доходов и субъективного благополучия в странах Европы предложена следующая модель:

$$1 \quad happy_{it} = \alpha + \beta_1 gdp_{pc_{it}} + \beta_2 gdpgr_{it-1} + \beta_3 gini_t + \varepsilon_t$$

$$2 \quad lifesat_{it} = \alpha + \beta_1 gdp_{pc_{it}} + \beta_2 gdpgr_{it-1} + \beta_3 gini_t + \varepsilon_t$$

где $happy_{it}$ — средний уровень счастья в стране i в год t (уровень счастья оценивается по шкале от 0 до 10 «полностью счастлив/а»), $lifesat_{it}$ — средний уровень удовлетворенности жизнью в стране i в год t (уровень удовлетворенности жизнью оценивается по шкале от 0 до 10 «полностью удовлетворен/а»), $gdp_{pc_{it}}$ — ВВП на душу населения страны i в год t , доллары США, $gdpgr_{it-1}$ — темп роста ВВП страны i за год предыдущий год $t-1$, $gini_t$ — коэффициент Джини в стране i в год t . Для эмпирического анализа использованы годовые показатели за 2002–2010 годы для тридцати стран Европы. Показатели субъективного благополучия получены из базы данных *European Social Survey*, доход — из базы данных МВФ *World Economic Outlook Database*, неравенство дохода — из базы данных Всемирного банка и Организации экономического развития и сотрудничества.

* Кандидат экономических наук, доцент кафедры мирового хозяйства и международных экономических отношений Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, Украина
Candidate of Economics, associate professor of the department of World Economy and International Economic Relations of Odesa Mechnikov National University, Ukraine
E-mail: irenas_ua@yahoo.com

2 Easterlin, Richard A. 1973. Does Money Buy Happiness? // *The Public Interest*. 30: 3–10.

3 Stevenson B., Wolfers J. 2008. Economic Growth and Subjective Wellbeing // *Brookings Papers on Economic Activity*.

4 Shigehiro Oishi, Selin Kesebir, Ed Diener. 2011. Income Inequality and Happiness // *Psychological Science*. 22(9) 1095-1100.

Оценка модели с помощью метода наименьших квадратов дала результаты, приведенные ниже.

$$\begin{aligned} 3 \quad \text{happy}_{it} &= \alpha + 0,746\text{gdppc}_{it} + 0,143\text{gdpgr}_{it-1} - 0,191\text{gini}_t \\ &\quad (11,589^{***}) \quad (2,329^{**}) \quad (-3,006^{***}) \\ R^2 &= 0,640 \quad DW = 2,155 \quad F_{\text{stat}} = 62,732 \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} 4 \quad \text{lifesat}_{it} &= \alpha + 0,668\text{gdppc}_{it} - 0,112\text{gdpgr}_{it-1} - 0,176\text{gini}_t \\ &\quad (9,953^{**}) \quad (-1,761^*) \quad (-2,658^{***}) \\ R^2 &= 0,609 \quad DW = 1,924 \quad F_{\text{stat}} = 55,105 \end{aligned}$$

Найдена положительная связь между уровнем ВВП на душу населения и уровнем счастья и удовлетворенности жизни в странах Европы. Экономический рост положительно связан с уровнем счастья, однако имеет обратную связь с уровнем удовлетворенности жизнью. Увеличение показателя неравенства распределения доходов, коэффициента Джини, в случае исследования и удовлетворенности жизнью, и уровня счастья, отрицательно связан с уровнем субъективного благополучия.

Государство и частная собственность в России

State and private property in Russia

Ценности и стереотипы, сформировавшиеся в течение десятилетий, а то и столетий предшествующего развития, ощутимо влияют на экономические преобразования в стране. Для России одним из ключевых понятий, накладывающим отпечаток на всё последующее развитие, является понятие собственности, лежащее в основе свободной рыночной экономики. Институт частной собственности имеет сравнительно недавнее происхождение в России. Как отмечал известный историк Р. Пайпс, «в царской России, вплоть до конца XVIII века, частной собственности как работающего института не существовало. Земля, главный источник богатства, принадлежала монарху, который предоставлял ее представителям благородного сословия в обмен на службу».² На протяжении многих веков российской истории захват общинных земель феодалами сопровождался закрепощением крестьян. После реформы 1861 г. в России крестьяне получили личную свободу и право распоряжаться своим имуществом, помещики же сохранили собственность на все принадлежащие им земли, предоставив крестьянам усадьбу и земельный надел, за пользование которым крестьяне должны были платить оброк или отбывать барщину, выкуп надела был обусловлен согласием помещика. Но и этот относительно короткий период развития института частной собственности был прерван долговременным социалистическим экспериментом, практически отменившим частную собственность, за немногими исключениями (так называемой личной собственностью).

В данной работе рассмотрены особенности становления института частной собственности в России, обусловленные предшествующим развитием и проявляющиеся в повседневной практике. Кроме этого изучена проблема формирования института государственной собственности и управления ею. Реформы 1990-х гг. в России были направлены на формирование рыночной экономики, ключевым элементом которой является институт частной собственности, однако этот процесс развивается непоследовательно, фрагментарно и медленно, с отступлениями и нарушениями прав собственников. Противоречия в системе ценностей проявляются, прежде всего, по отношению к владению землей и роли государства в экономике. В результате, в современной России наблюдается неуважение к частной собственности, споры о «легитимности» частной собственности и о роли государства в экономике. Периодически возникающие дискуссии по вопросу свободной купли-продажи земли отражают непрекращающуюся в обществе борьбу и характер общественных отношений в России: будет ли это экономика легальных рынков земли, капитала, труда, либо теневых отношений собственности без гарантий и судебной защиты. Как в период становления частной собственности в XIX веке, так и в настоящее время учет государственного имущества является почти неразрешимой задачей, так же, как и управление государственным имуществом, не говоря уже об экономической эффективности использования государственной собственности.

* Кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Леонтьевского центра, Санкт-Петербург, Россия
Candidate of economics science, senior researcher of the Leontief Centre, St. Petersburg, Russia
E-mail: oding@leontief.spb.su

2 Пайпс Р. Дело не в циклах, а в культуре (www.vedomosti.ru/newsline/news/7439241/delo_ne_v_ciklah_a_v_kulture)

Сбор, агрегирование и обработка качественных данных для исследований экономической культуры

Data making and mining in the study of economic culture

This paper aims to contribute to the discussion of two topics, namely «Research methods applicable to the study of economic culture» and «What steps are to be taken in order to promote wider study of economic culture (networks, internet sites)?»

In contrast to scholars oriented to quantitative research methods, advocates of qualitative approaches do not have access to common databanks. Few exceptions (the eHRAF World Cultures database maintained by Yale University or the Penn Treebank Project founded by the University of Pennsylvania) only confirm this rule. The qualitative data are usually collected in non-compatible formats and stored in a highly decentralized manner (at the Levada Center in Moscow and at the Laboratory of socio-economic studies in Blagoveshchensk, to take just one example).

The paper discusses the idea of creating an internet-based depository for qualitative data on economic cultures and related subject-matters (administrative cultures, for instance). It could be a home for various types of records: transcripts of in-depth interviews and focus groups, field and observation notes, images and videos created for research purposes and so forth. At the first stage, studies of economic cultures in the post-socialist countries could be given a priority.

The task of creating the databank of the qualitative data calls for solving a number of problems. Some of them have a purely practical nature (e. g., how to motivate scholars to share their data with the colleagues), whereas the others refer to theoretical issues (e. g., how to aggregate qualitative data, how to increase the validity and reliability of its analysis).

One practical issue, namely the protection of confidentiality of the sources, can be addressed in a relatively easy manner by removing all identifying information from the source files before sharing them. The issue of creating a system of incentives for sharing the data represents more challenges. One reason for doing so refers to the option of complementing one's own data with what was collected by the other scholars of the same topic. Contributors to the databank may have some privileges, especially at the initial stages.

The paper discusses the use of content analysis for data making (the process of creating computable data from raw or unedited sources: texts, interviews, and the like). Techniques of content analysis allow condensing, classifying, aggregating and manipulating the raw qualitative data (Krippendorff, 2004). Computer programs, such as QDA Miner, offer multiple options in this respect.

The uses of qualitative data are often criticized for their weak reliability. The paper discusses the notions of reliability-stability, reliability-reproducibility, reliability-accuracy and validity, and some relevant measures, namely Scott's π , Krippendorff's α , Cohen's κ , Bennett et al's S , Perrault and Leigh's I_r and coefficients of correlation. The internet-based depository helps increase the level of reliability-reproducibility as a result of involving several genuinely independent coders into content analysis of the same data. This provides the interested parties with an additional reason for placing their primary data on the internet-depository. In other words, the principles that proved their effectiveness in the Wikipedia case can be partly replicated in the operation of the internet depository.

The computer programs for content analysis also facilitate the retrieval and manipulation of qualitative data. They assist in retrieving information using the principles and algorithms that were subsequently replicated in Google and other search engines (namely, measures of similarity and proximity, see: Salton, McGill, 1983; Grossman, Frieder, 2004).

* Memorial University of Newfoundland, Канада; Центральный экономико-математический институт РАН, Россия
Memorial University of Newfoundland, Canada; Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Russia
E-mail: aoleynik@mun.ca

Хозяйственный этос архаической Греции

Economic ethos of Archaic Greece

Среди знаменитых поэм, дошедших от архаической эпохи (VIII–VI века до н. э.) — «Труды и дни» Гесиода. В этой поэме обстоятельно говорится о том, как следует вести хозяйство — а именно хозяйство зажиточного крестьянина, каким был сам Гесиод. В дидактической поэзии других народов едва ли найдется что-либо сопоставимое, и готовность греческой аудитории архаической эпохи проявлять внимание к рутине крестьянской жизни весьма примечательна. Вместе с тем для Гесиода хозяйственная деятельность — скорее суровая необходимость, нежели позитивно воспринимаемый инструмент обогащения. Напротив, гомеровская «Одиссея», которая редкостным образом совмещает взгляд на вещи простого, даже зависимого человека (каким, по-видимому, на склоне лет стал ослепший поэт) со взглядом представителя аристократической верхушки небольшой гражданской общины, последовательно демонстрирует в высшей степени позитивное отношение ко всем усилиям, ведущим к обретению материальных благ и богатства.

Пожалуй, особенно показательное описание в IX песне «Одиссеи» необитаемого островка, расположенного рядом с островом циклопов. Поэт рисует картину щедрой природы, не тронутой цивилизацией. В свете всей последующей литературы современный читатель уже готов воспринять эту картину как идиллическую, однако поэт смотрит на нее иначе:

«Дикий тот остров могли обратить бы в цветущий циклопы;

Он не бесплоден; там все бы роскошно рождалось бы к сроку»

Это замечание органично вписывается в целую систему представлений. Так, Гомер отмечает, что среди циклопов нет мастеров, умеющих строить корабли. Положительное отношение поэта к мореплаванию контрастирует с более поздними взглядами Платона и других античных писателей, усмотревших в развитии этого искусства проявление суетной людской алчности. Сами циклопы изображены скотоводами, разобщено живущими по своим домам-пещерам. Они — дикари. Но когда поэт переходит к описанию быта чудовищного Полифема, он не может удержаться от удовольствия представить картину образцовой молочной фермы с ее хозяином в качестве ревностного заготовителя простокваши. На протяжении всей поэмы Гомер обнаруживает восхищение любым благоустроенным хозяйством и любым мастерством. Далее, он не мыслит счастливого возвращения своего героя на родину без того, чтобы его корабль не был наполнен дарами, представляющими настоящее богатство. При внимательном чтении «Одиссеи» отчетливо видно и то, что женихи Пенелопы мыслятся негодяями не столько потому, что они сватаются к женщине, чей муж, возможно, еще жив, сколько потому, что, пируя в доме Одиссея, они беззастенчиво разоряют чужое достояние.

Разумеется, воинская доблесть и атлетические победы в глазах поэта являются высшими ценностями. Но мы не видим ни малейшего презрения к экономической деятельности, а также к физическому труду. Так Одиссей, будучи, конечно же, могучим воином и первоклассным атлетом, заявляет о своей готовности участвовать и победить в состязании, кто эффективней будет управлять воловьей упряжкой во время пахоты.

Наблюдаемый в «Одиссее» хозяйственный этос хорошо коррелирует с высоким уровнем в архаической Греции установки на достижение (need for achievement), обнаруженной другими исследовательскими методами. Он хорошо коррелирует и с последовавшим бурным экономическим ростом и территориальной экспансией греческого мира.

* доцент, кандидат филологических наук . Associate Professor, Candidate of Philology
e-mail: dmpanchenko@yahoo.com

Появление в VI веке до н. э. широкого круга богатых людей, вышедших из простонародья (купцов, владельцев крупных ремесленных мастерских), способствовало формированию менее однозначного отношения к богатству в аристократической среде, свидетельством чему может служить поэтический сборник Феогнида. Однако в общем и целом последовательно позитивное отношение к законной деятельности, направленной на обогащение, продержалось в греческом мире до Пелопоннесской войны (431–404). В начале ее мы слышим из уст Перикла, что в афинском государстве бедным быть не постыдно, однако же постыдно не стремиться выбиться из бедности. С Платоном (427–347), его современниками (или чуть раньше) приходит, с одной стороны, одухотворенная критика погони за богатством, а с другой стороны — неуважение к физическому труду. Этот тренд окажется доминирующим в греческой общественной мысли.

Категории ценности и интереса: экономическое значение и философский смысл

Современная экономическая теория в стремлении соответствовать идеалу «позитивной науки» выносит за скобки любой «метафизический» контекст интерпретации смысла понятий ценности и интереса, сохраняя лишь эмпирически фиксируемый «остаток» в виде цены и прибыли. Конечно, допускается (в рамках иного дисциплинарного пространства) морально-этическая, социологическая либо историко-культурная рефлексия, что, казалось бы, расширяет «чисто экономический» контекст. Однако экономическая наука всегда уже готова к «обволакиванию», т. е. включению в поле своей аксиоматики результатов данных рефлексий. Все дело в том, что «позитивная наука» сама является проекцией характерного для современности «экономикоцентризма», вот почему любая «критика экономизма» будет бить мимо цели, если не подвергнуть осмыслению онтологические основания экономики. Следовательно, философское осмысление понятий ценности и интереса должно рассматривать не как результат отражения неких сущих (или должных, но исходя из сущего состояния) свойств объектов или субъектов наличной экономической системы, а как выражение той «пограничной ситуации», где данная система непрерывно учреждается в качестве «безусловно необходимой», «истинной», «естественной» и т. п.

Очевидно, что в рамках капиталистической культуры понятия интереса и ценности практически совпадают: «интерес», понятый как позитивный итог, остающийся на руках по истечении некоего временного интервала, и есть та «ценность», исходя из которой субъект оценивает ту или иную деятельность. Роль категории интереса в процессе обоснования капитализма как политического проекта показал Альберт О. Хиршман в своей работе «Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа». Можно дать следующую интерпретацию тезису Хиршмана: как доказал опыт Нового времени, обуздать «разрушительные» страсти, присущие человеческой природе, едва ли возможно путем их подчинения «трансцендентным» нормам морали и разума — зато можно уравновесить их, используя такую «имманентную» силу, как страстное и одновременно разумное стремление человека во всякой деятельности реализовывать некий интерес. «Парадокс» истории состоял в том, что утопическое желание «вразумления страстей» в реальности привело к эффекту господства всецело рационализированной страсти, что придало диалектике созидания и разрушения не только иной масштаб, но и качественно новую специфику. Капитализм — это не «просто экономика» (П. Бергер), прежде всего капитализм — «биополитическое производство» особого «образа жизни» (М. Фуко) как условия возможности приложения экономической логики к жизненной материи. Говоря коротко, в качестве «интереса интересов», или своего рода «абсолютной ценности» выдвигается идея выживания — рассмотрение всех «достоинств» человеческой жизни как средств реализации пустой формы «гомогенного времени» (Беньямин), производства и воспроизводства «голой жизни» (Агамбен). Такая редукция индивидуальной и социальной жизни, ее ценностей и интересов к имманентному плану экономики имеет оборотной стороной перманентную угрозу «возвращения вытесненного» (например, в форме избыточного, «неконструктивного» насилия в противовес так называемому конструктивному разрушению, провоцируемому капиталом). Отсюда — неуклонно возрастающая роль правового обеспечения и полицейского контроля.

Хайдеггер в работе «Что зовется мышлением?» сказал: «Inter-esse означает: быть среди и между вещей, стоять посреди какой-либо вещи и оставаться при ней. Но для сегодняшнего интереса ценно

* Кандидат экономических наук, доцент Факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета, Россия
Candidate of economic sciences, senior lecturer of the Faculty of Liberal Arts and Sciences of St. Petersburg State University, Russia
E-mail: aapogrebnyak@gmail.com

лишь только интересное». Не отсылают ли эти слова к главному принципу «Домостроя» Ксенофонта, согласно которому космос хозяйства имеет вид «хора вещей», благодаря чему и «пространство в середине между ними кажется красивым, потому что каждый предмет лежит вне его»? Целью доклада является демонстрация актуальности этого принципа, сколь бы «архаичным» не представлялась его формулировка.

Конфликт в Конго и экономическая культура

The conflict in Democratic Republic of Congo and Global Economic Culture

The conflict in DRC has taken more lives than any other violent conflict since World War II yet there is extremely limited information about its context and situation in Russian academic circles. At the same time in the Western scholarship and among policy-makers the case is considered to be a perfect example of how economic agendas affect violent conflicts. This paper pays particular attention not only to the issues of control over country's minerals by various fighting faction but most importantly to the issues of billion dollars industrial mining complex which recently has become the source of a huge scandal leading IMF to freeze its loans to DRC in a rather unprecedented move.

The economic interests have played a major role in the conflict in DRC. Besides several domestic warring parties, that mostly fight for the control of country's vast resources of oil, diamonds, forests, several regional actors (Zimbabwe, Angola, Rwanda, Namibia) have got actively involved in violent conflict that destabilizes situation not only in DRC and the region but has a serious impact on international security. For example, Zimbabwe's military intervention in 1998 is often called «self-financing» — as a payment for intervention, Zimbabwe received one of the largest timber concessions in the world as well as ventures in other industries including electricity, agriculture and civil aviation. UN investigations discovered that Zimbanwean and Congolese elites illegally transferred 5 billion US dollars of mining assets from Congolese state to private companies from 1999 to 2002 — roughly the equivalent of Congo's entire GDP for 2000. Angolan UNITA used the conflict for illegal diamond trade. Namibian regime also allegedly acquired diamond mining rights in the Congo in exchange for its military support. At the end although officially these governments withdrew from the conflict by roughly 2002, elites connected to these governments continued to exploit Congo's resources through covert and private means. The economic agendas of the warring parties as well as their supporters often distract attention from the larger «elephant in the room» — the problems with industrial mining industry in DRC. Recently IMF due to the pressures of both international independent observers but also some actors in DRC government has frozen its loans in response to mining industry's refusal to disclose information contrary to prior agreements.

This paper attempts to investigate the intricate connections between economic agendas, violent conflict and actions of International Financial Institutions in DRC and thus make certain conclusions about the prevailing economic culture in the context of global economic interests and values

* PhD, доцент Факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета, Россия
PhD (Doctor of Philosophy in Government and Politics), Associate Professor, St. Petersburg State University, Russia
E-mail: dpushkina@smolny.org

Ценностные основания потребительского поведения

Value foundations of consumer behavior

Единство пространства и времени отражается в понятии социального хронотопа, символизирующего уникальность общественного развития в пространственно-временных рамках. В хронотопе отражаются доминирующие ценности и социальные практики их воспроизводства, свойственные определенной эпохе. Хронотоп модерна соотносится с идеями индустриального производства, бюрократии, прогресса, рациональности, измеримости и достижений, линейности времени и ограниченности пространства. Типичный представитель общества модерна — трудоголик, жизненное пространство и время которого структурируются вокруг труда. Хронотоп постмодерна воплощает идеи поливариантности, неоднозначности развития, рефлексивности, размытости пространственных границ и неоднозначности времени. Постмодерн соотносится с практиками потребления, гибридации культуры, стирания четких граней между трудом и досугом. Идеально-типичный представитель — потребитель (созерцатель, турист), ориентированный на получение удовольствий и развлечений, исповедующий гедонистические ценности.

Когда процесс приобретения все новых благ становится самоценным, замыкается на самом себе, превращается в центр человеческой деятельности, возникает явление потребительства, связанное с односторонней зависимостью от вещей и безудержным желанием их приобрести. Характерно, что эта зависимость от вещей переживается человеком как подлинная свобода. Потребление становится основной ценностью, жизненным миром современного человека, превращаясь из процесса приобретения и использования вещей в целую систему действий и идей, получивших название «конsumerизм».

Очевидно, что любое общество базируется как на производстве, так и на практиках индивидуального потребления. В любом обществе его члены «потребляют»; все люди, как впрочем и все живые существа, «потребляют» с давних времен. Однако когда практики потребления перестают иметь только экономический характер, когда активно формируется система ценностей и установок, центрированная на потреблении, наблюдается переход к обществу потребительства, или конsumerизма, основанного на этике расточительства. О конsumerизме уместно говорить, когда на определенном этапе развития индивидуальное потребление подвергается глубокой институционализации и превращается в ключевой фактор экономического развития страны. Призывы к потреблению ориентируют людей на поведение в настоящем времени и плотно соотносятся с современной кредитной политикой.

Конsumerизм — синоним потребительства; это институционализированная практика, особая социальная активность, центрированная вокруг ценностей потребления. Формирование соответствующей системы ценностей и установок является необходимой почвой для появления конsumerизма.

Капиталистическое производство, достигнув предела насыщения естественных потребностей людей, может бесперебойно функционировать именно за счет ценностей конsumerизма, способных стать средством навязывания искусственных потребностей-желаний. Такие желания требуют перманентного удовлетворения, становясь «желаниями желаний», которые принципиально невозможно удовлетворить.

* Доктор социологических наук, заведующая кафедрой экономической социологии, рекламы и связей с общественностью Саратовского социально-экономического института Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Россия

Doctor of Social sciences, head of the department of economic sociology, advertising and public relations Saratov Social and Economic Institute of the Russian Economic University. GV Plekhanov, Russia
E-mail: okspo@list.ru

Можно ли охарактеризовать современную Россию как общество потребления, учитывая тот факт, что жизнь значительной доли населения находится за чертой бедности? Своеобразием процесса формирования российского общества потребления является его очаговый характер. Именно в российских провинциальных контекстах наиболее контрастно проявляются эффекты глокализации, наблюдается парадоксальный синтез незрелого способа производства и влияния глобальной повседневной культуры конsumerизма, острое противоречие между ограниченным слабой экономикой пространством возможностей и динамично развивающимся пространством желаний. Маркерами российского общества потребления являются не столько сами покупки, сколько желания покупать рекламируемый товар. На сегодняшний день потребление расположено не в кошельках, а в головах, мыслях и проявляется на уровне интенций россиян.

Священное и мирское в экономической культуре зарубежных староверов

Sacred and Secular in Economic Culture of Foreign Old Believers

Экономическая культура связана с более цельным и нередуцированным пониманием того, как мыслят и действуют люди в экономике. Она охватывает хозяйственные практики, а также те значения и смыслы, которыми люди наделяют свои действия. Экономическая культура вариативна и по-разному проявляется на различных уровнях. Один из важных вопросов, напрямую затрагивающий экономическую культуру, — это влияние религии на характер принятия решений. Особую актуальность этому вопросу придает то, что известный тезис о секуляризации, который казался очевидным во времена Маркса, Дюркгейма, Вебера и Фрейда, сейчас подвергается существенной ревизии. Достаточно упомянуть два факта. Во-первых, в мире никогда не было больше людей с традиционными религиозными ценностями, чем в нынешнее время. Во-вторых, в самой богатой стране мира — США — тенденция к секуляризации выражена весьма слабо.

В данном контексте представляет большой интерес антропологическое изучение соотношения священного и мирского в локальных традиционных культурах в их соприкосновении с современной постиндустриальной действительностью в повседневности, труде и потреблении. Основное внимание в докладе будет уделено соотношению священного и мирского в экономической культуре староверов-часовенных, которые бежали от советской власти и в 1960-х гг. оказались в Латинской Америке. Выводы основаны на материалах трех экспедиций по изучению общин староверов в Латинской Америке: Бразилии (штат Парана, 2011; штат Мату Гроссу, 2010 и 2012; штат Гойяс, 2011) и Аргентины (Патагония, 2012).²

Фактически староверы Южной Америки входят в более крупную общность, объединенную тесными кровными, духовными и экономическими связями в других странах (Боливии, Уругвае, США (Орегон, Миннесота, Аляска), Канаде (Альберта), Новой Зеландии и Австралии). Интерес к этой группе вызван как тем, что представители ее практически не соприкасались с советской культурой, так и тем, что староверы внесли большой вклад в развитие промышленности и торговли Российской Империи.

Культура потребления староверов, с одной стороны, находится под непосредственным влиянием современного общества массового потребления с его расширяющимися возможностями и диверсификацией вкусов, с другой, регулируется достаточно жесткими регламентациями, которые получили санкцию Соборов времен китайской миграции. Общий вектор — на смягчение этих регламентаций и меньшее им следование среди более молодого поколения, которое формировалось уже в Латинской Америке. Регламентация касается прежде всего ограничений в общении с иноверными, в особых правилах покупки товаров на рынке. Идеалом устройства домашнего хозяйства является автаркия, т. е. самодостаточное воспроизводство. Традиционный уклад крестьянской жизни, к которому были ближе относительно изолированные общины, жившие в России и Китае, позволял легко следовать этим регламентациям. Почти все Соборные уложения запрещали принимать новшества и тем самым предписывали сохранять старинные («ранешние») обычаи и традиции. При этом в разное время менялось и продолжает меняться то ядро, которое относили к традициям. К примеру, «синьцзянцы» (выходцы с Алтая) в Китае и Гонконге стали меньше носить традиционную русскую одежду, но уже в Америке под влиянием «харбинцев» вернулись к

* Кандидат экономических наук, доцент Факультета свободных искусств и наук и Экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета
Candidate of economic sciences, Senior Lecturer of the Faculty of Liberal Arts and Sciences and the Faculty of Economics of St. Petersburg State University, Russia
E-mail: danila.raskov@gmail.com

² Экспедиции состоялись благодаря финансовой поддержке РФНФ: «Язык, певческая культура, экономическая деятельность старообрядцев Южной Америки» № 12-04-18013е, № 11-04-18027е, № 10-04-18009е (под рук. О. Г. Ровновой (ИРЯ РАН)).

сарафанам и русским рубахам. Иногда традиции обрастают новой детализацией, которая уже ближе к обрядоверию. Эти детали не закрепляются соборными уложениями, но могут также ревностно соблюдаться на основании того, что «так в священных книгах написано». Они могут носить лишь региональное значение и не разделяться всеми староверами-часовенными Латинской Америки.

В докладе ставится задача сопоставить религиозные регламентации в еде и питье, в одежде и лечении, в других аспектах экономической культуры со светской практикой. Противоречивое соотношение священного и мирского заставит поставить вопрос о направлении секуляризации и формах сопротивления традиции.

Почему в XXI веке экономический рост в развитых странах может замедлиться? Опыт посткейнсианского анализа

Why in the XXI Century Economic Growth in the Developed Countries May Slow? An Experience of Post Keynesian Analysis

Посткейнсианский подход к экономическому анализу характеризуется прежде всего акцентированием внимания на особой роли неопределенности в хозяйственной жизни. Экономическая деятельность рассматривается не столько с точки зрения решения проблемы редкости, или максимизации полезности прибыли, сколько с точки зрения избегания неопределенности. В процессе решения проблемы неопределенности фирмы стремятся накапливать власть над домохозяйствами, а последние опираются не столько на рациональные расчеты, сколько на социальные нормы, конвенции и ожидания.

Этот методологический принцип сохраняет свою силу не только для анализа, скажем, статического макроэкономического равновесия, но и для анализа экономического роста. Посткейнсианцы рассматривают рост в современной «позднеиндустриальной» капиталистической экономике как следствие перманентного увеличения совокупного потребления. Такое увеличение происходит из-за политики фирм, которые, пытаясь снизить неопределенность и приобрести власть над потребителями, навязывают им — через рекламу, СМИ и прочие инструменты манипулирования — определенные стандарты поведения. Эти стандарты представляют собой господствующие нормы «общества массового потребления» и заключаются в том, что потребители стремятся безгранично повышать уровень своего потребления, при этом перманентно заменяя старые разновидности приобретаемых товаров новыми разновидностями. Таким образом, социальные нормы потребления в значительной степени генерируют рост.

В результате при увеличении реальных доходов совокупное потребление значительно увеличивается, а вот при их падении оно сокращается в очень небольшой степени. Иными словами, предельная склонность к потреблению в ходе циклического подъема оказывается больше, чем в период циклического спада. Следствием этого оказывается экономический рост. При этом всё большую роль в финансировании растущего потребления играет потребительский кредит, причем зачастую домохозяйства оказываются не в состоянии погашать долги. Таким образом, постепенно в экономике повышается степень финансовой хрупкости, т. е. увеличение в портфелях агентов краткосрочных обязательств в отношении накопленных активов и текущих доходов. Проблема финансовой хрупкости взаимодействует с финансьеризацией, проявляющейся в увеличении (как абсолютном, так и относительном) доходов участников финансового сектора, развитии рынков производных ценных бумаг и прочих финансовых инструментов, повышении роли институциональных инвесторов на финансовых рынках.

Экономический рост может замедлиться потому, что длительность и глубина мирового кризиса, начавшегося в 2008 г., создает серьезные ограничения (связанные как со стимулами, так и с объективным наличием источников) для дальнейшего долгового финансирования растущего потребления. А это означает, что разрушается описанный выше механизм обеспечения быстрых темпов роста. Этот механизм стал основным для экономики развитых стран, начиная с рубежа 1970–1980-х годов. Именно тогда — после крупномасштабного дерегулирования финансовой сферы — восторжествовала неолиберальная модель «финансового капитализма». Итак, нормы поведения в финансовой сфере оказываются ограничителем экономического роста.

Таким образом, экономический рост и его замедление – следствие взаимодействия социальных норм в сфере потребления и финансовой сфере.

* Кандидат экономических наук, доцент НИУ ВШЭ, Россия
Candidate of economic science, associate professor of National Research University — Higher School of Economics
E-mail: irozmain@yandex.ru

Российская периферия: что мы знаем о локальной экономической культуре?

Russia's Periphery: what do we know about local economic culture?

Феномен локальной экономической культуры имеет или может иметь значение для разных дисциплин. Рыночные и прочие универсальные ценности в развитии (или выживании) локальных сообществ; влияние предпочтений, ценностей или религиозных верований на экономические практики жителей конкретных локальностей; взаимная адаптация локальных и глобальных норм и ценностей работников транснациональных компаний — характерные сюжеты для экономической антропологии и социологии. Но как раз из-за привязки к локальности, а также неизмеряемости результаты этих исследований «не интересуют» экономический мейнстрим, в моделях которого культура представлена более чем в общем виде. Но стоит ли изучать то, как решают задачу получения общественных благ «гражданские» брошенный военного городка в Хабаровском крае; как оправдывают / интерпретируют «вольную» добычу золота жители Магаданского края; каковы экономические практики выживания в таежном поселке Амурской области? Но можно ли предполагать, что эти локальные сообщества разделяют идентичные ценности, нормы, привычки и что они такие же, как у «столичных жителей»? Эти почти риторические вопросы определяют цель доклада, которая состоит в том, как сделать локальную экономическую культуру более доступной для изучения.

Тематика локальной экономической культуры представлена в работах российских авторов в части изучения практик выживания сельских сообществ, отдельных (в том числе этнических) групп. Многие другие феномены (права собственности де юре и де факто, открытые или контейнерные рынки, неформальное природопользование и т. п.) также рассматривались в привязке к конкретным локальностям. Но достаточно ли этого для понимания разорванного, сжимающегося пространства России?

Из-за многообразия возможных сюжетов, тем, потенциально интересных кейсов и подходов к концептуализации, реализовать единый проект сбора эмпирических данных о пространственной дифференциации экономической культуры России невозможно. К тому же исследовательское поле российских периферий закрыто в силу преобладания неформальных (с разной степенью легальности) практик; географической и иной удаленности от научных центров — не только столичных, но и от тех, что весьма фрагментарно представлены в регионах. Следовательно, возможности развития пространственных представлений о локальных экономических культурах современной России очень ограничены? И зависят от реализации отдельных несвязанных проектов, результаты которых едва ли могут быть обобщены? Вопреки очевидному ответу, представляется, что есть и более оптимистический вариант развития событий. Он состоит в создании общей, хорошо структурированной базы, в которой накапливаются данные, полученные при выполнении разных проектов в российских регионах, так или иначе связанные с экономической культурой. Ведь не секрет, что добытые с большими временными, человеческими и финансовыми затратами полевые (да и вообще качественные) данные часто используются для исследования одной проблемы, той, для которой они и были получены, или в лучшем случае для нескольких проблем, но привязанных к конкретной локальности.

База данных как ресурс общего пользования (кстати, со всеми вытекающими отсюда пессимистическими ожиданиями) вряд ли позволит приблизиться к созданию некой абстракции

* Кандидат экономических наук, заведующая Амурской лабораторией экономики и социологии ИЭИ ДВО РАН, Хабаровск / Благовещенск, Россия

Candidate of Science (in Economics), chief of the Amur Laboratory for Economic and Sociological Studies ERI FED RAS, Khabarovsk / Blagoveshensk, Russia

E-mail: n.p.ryzhova@gmail.com

в виде универсальной экономической культуры России; но понять общее и особенное как самой локальности, так и пространственное измерение исследуемого феномена — возможно.

В докладе на конкретном проекте («Институциональные барьеры “входа”: сырьевые отрасли Дальнего Востока») будут показаны концептуализация и кодирование, а также повторная концептуализация и перекодирование данных для решения новой исследовательской задачи; обсуждены возможности применения для этих целей программного продукта (QDAminer), в том числе для накопления «дополнительных» / «незапланированных» данных — таких, как фотографии, документы, полевые дневники, публикации и т. п.

*Сандстром Грегори
Gregory Sandstrom**

*Кирдина Светлана Георгиевна
Kirdina Svetlana***

Экономика и гуманитарное знание: тенсивность в институциональной матрице

Economics and Humanitarian Knowledge: Tension in the Institutional Matrix

This paper combines Institutional Matrices Theory (IMT) with Human Tension Methodology (HTM) to address economic culture, values and interests. This combination will highlight how the economy is a field of humanitarian knowledge in the Anglo-American tradition, but is called a «science» (cf. nauki) in other traditions. What distinguishes these two approaches to «economic science» and how can a Russian theory (IMT) and a Canadian methodology (HTM) work together on humanitarian issues? The paper will focus on the importance of «anthropic» knowledge and engage with economic culture in humanitarian fields.

We will explore how institutions are embedded in social structures, showing why it is impossible to ignore people's values, emotions and attitudes. The notion that there can be a purely mathematical or objectively neutral economics suggests that a person can be «de-humanised» into being only part-man / woman rather than full-man / woman. The field of economics will be shown as suffering from de-humanisation when it attempts to be only a «natural science» and not at the same time an «artistic» or humanitarian field.

The paper will explore what is outdated and dehumanising in the (neo-classical) vision of «pure» economics, i. e. homo economicus. This school of thought is seen as unnecessarily reductionistic in its attempt to mimic natural scientific methodologies. The remedy for this is to work towards «rehumanising» economics with an institutional and developmental approach. This move will enable scholars in the humanities and social sciences to expand their observations and models beyond the sphere of economics alone.

IMT provides a contemporary example of research in economics, politics and ideology that investigates peoples multi-dimensional imaginations, experiences and life-worlds. With IMT, the economic dimension is intertwined with two other dimensions, based on a systemic approach that elevates humanity rather than reducing it. One way to contrast the Russian-based IMT with Anglo-American ideas will be to look at the alternatives of «You're on your own» (YOYO) individualist policies with those of «We're in this together» (WITT) strategies that are based on collective (cf. communitarian) values and interests. IMT encourages comparisons between X-Matrix and Y-Matrix nation-states as a way of harmonising asymmetrical systems.

HTM delivers a way to interpret the dynamics of proportionality and balancing-in-flux of institutional matrices based on personal and group choices and actions. HTM reveals the teleological character of institutional change-over-time using the concepts of «extensive growth» and «intensive growth» (G. A. Feldmann). This approach involves a holistic goal-oriented process, rather than as an impersonal random evolutionary framework. Development and civilisation progress are key terms in the HTM vocabulary. With HTM, human beings are seen as operating in M-Dimensional social-cultural space wherein individual and common work aims at progress in each sphere, combining the topics of economics, politics and ideology.

* Кандидат социологических наук, куратор общегуманитарной подготовки, Европейский гуманитарный университет, Вильнюс, Литва
Candidate of sociological science, Curator of Core Humanitarian Studies, European Humanities University, Vilnius, Lithuania
E-mail: gregory.sandstrom@ehu.lt

** Доктор социологических наук, кандидат экономических наук, заведующая сектором эволюции социально-экономических систем, Институт экономики Российской Академии наук, Москва
Doctor of Sociological science, Candidate of Economic science, Head of Subdivision for Evolution of Social and Economic Systems, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
E-mail: kirdina@bk.ru

The result of this combination of political-economic-social theory with a dynamic humanitarian methodology is to offer a way of measuring the proportions and dimensions of institutional growth and shrinkage or extension and contraction. IMT and HTM thus present more than just a humanistic discourse, but additionally involve historical scholarly ideas toward building a «dialogue of civilizations» that endorses partnership-building and human flourishing. This collaborative approach intentionally includes the social choices of individuals, communities and governments in such a way that the direction(s) of choice and action is / can be seen as crucially important for conducting scientific research. By noting the «tension» that exists in the matrix, we can better evaluate and study cultural institutions, as mutually complementary or cooperative rather than as necessarily antagonistic or in conflict with each other.

Политическая и административная культура развитых стран и особенности современной российской практики

The political and administrative culture of developed countries, and modern Russian practice

Ценностные ориентации и установки общества в развитых странах предполагают высокий, в первую очередь нравственный уровень у представителей государственной власти, политиков и публичных персон. Выстроена определённая система социальных норм и правил, пронизывающая общество от корней до вершин. Провозглашённые ценности системно формируются на всевозможных уровнях становления личности с самых ранних лет, что неизбежно принимает форму определённого рода культуры поведения.

Общество, воспитанное в соответствии с высокими морально-этическими представлениями, крайне чувствительно реагирует на поведение представителей власти и публичных политиков. Вполне тривиальные и несерьёзные нарушения этики являются обыденным поводом для отставки чиновников, партийных деятелей и политиков в большинстве развитых стран. Для чиновников действуют такие же правила парковки автомобиля, скоростного режима и пр. Если обратиться к практике европейских стран, то можно привести множество случаев публичных извинений и отставок из-за подобных поводов или более крупных скандалов.

Министр по делам энергетики и изменениям климата Великобритании Крис Хьюн (Chris Huhne), занимавший свою должность с мая 2010 г. подал в отставку из-за выявления факта превышения скорости. В 2003 г. чиновник превысил скорость, будучи за рулем, но чтобы избежать огласки он попросил свою жену сказать, что управляла машиной она.² Директор Центрального разведывательного управления США Дэвид Петреус (David Petraeus) подал в отставку из-за огласки своих внебрачных связей.³ Кейсю Танака (Keishu Tanaka), министр юстиции Японии, подал в отставку на фоне скандала вокруг предполагаемых связей чиновника с организованной преступностью, несмотря на то, что он присутствовал на свадьбе одного из боссов якудза более тридцати лет назад.⁴ Вице-спикер парламента Литвы Альгис Кашета подал в отставку после своего задержания за двукратное превышение разрешённого скоростного режима на трассе; он ехал на своём автомобиле со скоростью 170 км/ч. Шведский король Карл XVI Густав со своей дочерью в 2007 г. были оштрафованы за неправильную парковку; им был выписан штраф, как и любому другому гражданину Швеции.⁵ Эти и многие другие примеры демонстрируют возможности использования внутреннего, в том числе культурного потенциала России для более эффективного управления государством, восстановления утраченного нравственного уровня общества и популяризации социально ответственных моделей поведения, в первую очередь в молодёжной среде, как социального слоя, находящего в стадии личностного формирования и более восприимчивого к новациям. На Западе принято следить за имиджем лиц, занимающих отдельные государственные должности, профессиональной этикой, имиджем партий и бизнес-структур. Должностных лиц, допустивших оплошность, принуждают самостоятельно покинуть свой пост для того, чтобы не бросить тень на организацию в целом. Более широкая практика ротации чиновников и использования социальных лифтов могла бы быть полезной и для России.

* Кандидат исторических наук, доцент кафедры «Общественные науки», заместитель директора по воспитательной работе Санкт-Петербургского филиала «Финансового университета при Правительстве Российской Федерации», Россия
PhD in History, Associate Professor of the Chair of Social Sciences, Financial University under the Government of the Russian Federation, Saint-Petersburg
E-mail: a_sosnilo@mail.ru

2 Министр энергетики Великобритании лишился поста из-за скандала. 2012. 03 февраля (<http://izvestia.ru/news/51420>)

3 СМИ сообщили об отставке главы ЦРУ из-за внебрачной связи. 2012. 10 ноября (<http://www.km.ru/world/2012/11/10/barak-obama/696989-smi-soobshchili-ob-otstavke-glavy-tsru-iz-za-vnebrachnoi-svyazi>)

4 New justice minister allegedly had yakuza ties // The Japan Times. 12.10.2012 (japantimes.co.jp/text/nn20121012a2.html)

5 <http://bac71.blogspot.ru/2011/07/evropeiskie-chinovniki-nesut-nakazania.html>

Рынки искусства: информационная эффективность и предпринимательское творчество

Art markets: information efficiency and entrepreneurial creativity

Предпринимается анализ информационной эффективности рынков искусства, концепция субъективной информации и принятия решений на этих рынках, экономическая рациональность и ограниченность ее применения на рынках арт-продукции и проблематика рисков в сфере экономики искусства.

Более предпочтительной нам представляется методология австрийской экономической школы, которая рассматривает активность экономических субъектов, прежде всего как деятельность, а не только принятие решений. Максимизирующее поведение здесь предполагает и деятельную самореализацию участников рынка искусства, а не только максимизацию прибыли. Все они являются, с методологических позиций австрийской экономической школы, предпринимателями, деятельно создающими специфическую стоимость. Кроме того, деятель искусства тоже может быть рассмотрен как предприниматель, а не отчужденный производитель эстетических ценностей. Эстетическая деятельность является предпринимательской и до процесса коммодификации «художественного» блага. Креативность, при создании, например, нового стиля изобразительного искусства или выбора новых средств эстетического производства, в широком смысле, является проявлением предпринимательской инициативы.

Важным вопросом здесь является проблема информационной эффективности арт-рынков и возможности артикуляции информации. Классический / неоклассический анализ однозначно определяет рынки искусства как информационно неэффективные. Под информационной эффективностью рынка понимается его способность отражать в развитии общерыночного тренда спроса / предложения всю имеющуюся информацию. Предполагается, что информация вся заранее существует и только субъекты рынка могут занимать по отношению к ней различное положение. Однако, если мы рассмотрим взаимодействие субъектов арт-рынков как деятельностный процесс, то увидим, что информация не предшествует, но создается в процессе создания и продвижения на рынок специфического продукта (предмета искусства) и интеракции участников рынка. Продвижение арт-объекта на всех типах рынков искусства (аукционном, галерейном) и на смежных рынках (антиквариата и предметов роскоши) предполагает формирование долгосрочных информационных циклов (моды) и вовлечение в этот процесс ряда внешних институтов (прессы, экспертных групп, академических структур). Артикуляция информации в сфере экономики искусства также является весьма специфической. Эта артикуляция происходит в результате длительного процесса формирования групповых и индивидуальных вкусов и предпочтений, а также существующих в обществе возможностей для артикуляции такой информации (наличие необходимых коммуникационных каналов).

Необходимо также указать на проблематичность прогностического анализа арт-рынков. Поскольку предсказание конъюнктуры конкретных арт-рынков, предсказание инвестиционных рисков должно здесь учитывать не только некие совокупности макроэкономических и микроэкономических характеристик, но и динамику вкусовых предпочтений и смену мировоззренческих установок экономических акторов.

* Кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, Россия
Doctor of Philosophy, associate professor of St. Petersburg State University, Russia
E-mail: emedu@mail.ru

Экономика и эстетика: от сентиментализма к романтизму и далее

Economics and aesthetics: Sentimentalism to Romanticism and beyond

Среди идейных столкновений, свойственных экономическому дискурсу, выделяется устойчивое противостояние двух фундаментальных видений: «научного», «рационального», воплощенного в магистральной версии экономической теории, и эмоционального, «литературного», «художественного», которое часто обозначается (обеими сторонами в конфликте) как «романтическое». Как «экономисты», так и «романтики» охотно подчеркивают несовместимость своих позиций. Взаимные выпады бывают достаточно резкими. Так, Вильям Коулман (William Coleman, *Economics and Its Enemies*, 2002) указывает на существование «антиэкономики» — крикливой неприязни к экономической науке, ее своеобразного двойника, который пытается подменить собой «оригинал», чернит его и строит против него козни. В ответ можно услышать, что сам язык экономической науки (в отличие от языка Вордсворта и Кольриджа) совершенно непригоден для того, чтобы говорить на нем на темы, где не все сводится к узко понимаемому «собственному интересу» (тема человека и природы). Крайне редко в дискуссию вступает не столь ангажированный участник с предложением о примирении сторон, как, например, Ричард Бронк (Richard Bronk), показательно назвавший свою книгу «Экономист-романтик» (*The Romantic Economist*, 2009).

Спор «экономистов» с «романтиками» идет давно, и его подробности, казалось бы, хорошо известны. Однако историки продолжают обращаться к обстоятельствам более чем двухвековой дискуссии, предлагая уточненные интерпретации и даже устанавливая новые факты. Нельзя сказать, что исторические исследования протекают независимо от самой полемики «экономистов» с «романтиками». Дэвид Леви (David Levy, *How the Dismal Science Got Its Name*, 2001), обративший внимание на апологию расизма и рабства у Карлейля, Рёскина, Диккенса и ряда других викторианских авторов, несомненно, вооружает одну из сторон конфликта дополнительными аргументами. Дональд Уинч (Donald Winch, *Riches and Poverty*, 1996) отмечает изначальное, с момента атаки Саути на Мальтуса, непонимание «романтиками» классической экономической теории и анахронизм экономических альтернатив, продиктованных романтической эстетикой и этикой. Вместе с тем Уинч признает, что испытывает «ощущение неудачи» от неспособности до конца объяснить культурные причины указанного непонимания.

Думается, что историками не до конца выяснены обстоятельства и логика самого «великого раскола». Конфликт имел начало. Для первой половины XVIII века характерна «эстетика удовольствия», отождествившая искусство и роскошь. В этом смысле эстетика и экономика были неразрывно связаны (см.: Rémy Saisselin, *The Enlightenment Against the Baroque*, 1992). Во второй половине столетия культурная ситуация в целом меняется, но возникает новая форма взаимосвязи экономики и эстетики. Для шотландского Просвещения обе (наряду с правом, историей и этикой) являлись частями единой «науки о человеке». Среди центральных понятий последней были *sense*, *sentiment*. Наступил век «чувствительности», который проявил себя как в сентиментальной литературе, так и в эмпирической науке (см.: Jessica Riskin, *Science in the Age of Sensibility*, 2002). Эстетика и не думала брать на себя роль консервативной оппозиции происходящим в обществе процессам. Совсем напротив. «Эстетическое обеспечение буржуазной революции» — так определил взгляды Эдмунда Бёрка на «высокое» и «прекрасное» Том Фурнис (Tom Furniss, *Edmund Burke's Aesthetic Ideology*, 1993). Однако в Англии XIX век открылся резким столкновением поэтов Озерной школы и формирующейся классической школы экономистов. В последующие десятилетия как в Британии, так и на континенте быстро сложилась традиция социальной критики, направленная против столь

* Кандидат экономических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена
Candidate of Economic sciences, Associate Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia
E-mail: yuri.tulupenko@gmail.com

же быстро набирающего мощь либерального консенсуса, традиция критики с позиций новой, романтической, «чувствительности», отличной от *sensibility* предшествующего столетия. Возможно, именно в трансформации самой «сенсibilitи» лежит ключ к пониманию противостояния «экономистов» и «романтиков» от истоков и вплоть до сегодняшнего дня — при всей очевидной спорности прочерчивания прямой генеалогической линии от Кольриджа и Вордсворта к тем, кто черпает вдохновение в их идеях сегодня.

Брендинг территорий как экономика мифа

Branding areas as economics of the myth

В современной деловой активности, в политике, искусстве, да и в обыденной жизни бренды и брендинг — как технология их формирования и продвижения играет ключевую роль. Понятие бренда давно уже переросло свое первоначальное понимание как обозначения торговой марки, идентификатора производителя товара. Бренды — это ответ на пожелания и ожидания, некое обещание реализации желаемых переживаний. Людям предлагаются их мечты, чаяния, надежды, их представления о себе самих какими-бы-они-хотели-стать. В достаточно определенном смысле современный полноценный бренд это всегда фэнтези: волшебная история о магическом артефакте, обладание которым открывает дверь в царство мечты. В этом плане бренды предстают современными социальными мифами, позволяющими строить ориентиры как во внешнем мире, так и во внутреннем мире личности.

Сказанное в полной мере относится и к брендингу регионов, когда общие функции брендов (информационно-символический дизайн, нематериальный публицитный капитал, развитие социальных связей, корпоративности и лояльности, информационно-коммуникативного обеспечения маркетинговой стратегии) дополняются по следующим направлениям:

- позиционирование региона, агломерации в национальном и глобальном экономическом и социально-культурном пространстве;
- формирование его привлекательности как места работы и проживания;
- интеграция товарных брендов, производимых в данном кластере, в том числе с учетом культурно-исторического своеобразия региона;
- консолидация населения практически всех возрастов, проживающего и работающего на данной территории, формирование региональной идентичности, сопричастности развитию региона, его прошлому и будущему.

Тем самым, как показывает опыт брендинга городов и регионов Израиля, Испании, России (Владивосток, Коми, Санкт-Петербург, решения проблемы монопрофильных городов), экономика региона тесно увязывается с социальным и человеческим капиталом кластера. В единое целое увязываются производство, труд, социально-культурная среда, гражданская и культурная идентичность. В результате успешный брендинг региона (кластера) создает не только потенциал информационно-маркетингового продвижения, но и мощный мотивационный фон деловой активности, рынка труда. А сам конкретный кластер предстает как социально-экономическая и социально-культурная целостность.

Литература

Богомяков В. Г. Региональная идентичность «Земли Тюменской»: мифы и дискурс. Екатеринбург, 2007.

Модернизация России: территориальное измерение / Под ред. А. А. Нецадина, Г. Л. Тулчинского. СПб, 2011.

Стас А. Новая геральдика. Как страны, регионы и города создают и развивают свои бренды. М., 2009.

Тулчинский Г. Л. и др. Брендинг: PR-технология. СПб, 2007.

Тулчинский Г. Л. От моногородов — к региональному развитию: Мешающие стереотипы // Регионы России: стратегии и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития. М., 2011. Ч. 1. С. 172–174.

* Доктор философских наук, профессор НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия
Doctor of Philosophy, professor of National Research University High School of Economics, St. Petersburg, Russia
E-mail: gtul@mail.ru

Тулчинский Г. Л. Образы великого города // Вестник Администрации Санкт-Петербурга (6'98). СПб., 1998. С. 139–147.

Тулчинский Г. Л. Total Branding: Мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре. — В печати.

Ульяновский А. В. Социальный миф как бренд: эстетика, философская антропология, на границах запрета etc. В 2 т. СПб., 2004.

Tulchinskii G. L. Russia's Brand as a Problem and Dream // Russian Journal of Communication, vol. 1. No. 2 (Spring 2008), p. 220–222.

Tulchinsky G. St. Petersburg Paradox: Post-Imperial Identity as Potentia for Open Society // VI the International Council for Central and East European Studies (ICCEES) World Congress. (Tampere 29 July — 3 August). Abstracts. Tampere, 2000, p.437.

Эволюционный подход к культуре и экономике: общие принципы и применение к китайскому случаю

An evolutionary approach to culture and economy: general principles and application on China

The proposed presentation is based on 25 years of research into culture and economy with special focus on China as an empirical reference case. In contrast to currently fashionable approaches in economics, this work pursues a de-constructionist view on culture that emphasizes the creative aspects of culture (which corresponds to modern views of culture in anthropology). In contrast, much of recent research in economics seems to fall back to a determinist approach to culture which sees culture as a given set of values or cognitive repertoires that are exogenous to the economic process. The evolutionary approach emphasizes the role of creative agency in the recurrent process of constructing culture as a frame for individual identities. This critical stance towards current economic research has been elaborated on in:

C. Herrmann-Pillath (2010), What Have We Learnt From Twenty Years of Economic Research Into Culture? *International Journal of Cultural Studies* 13 (4), 317–335.

The alternative view on culture is based on a new approach to institutions that combines Aoki's game theoretic approach with the theory of performativity that has been recently popularized in certain fields of economic sociology. Then, cultural agency is a special expression of distributed agency in networks of actors that rely on external repertoires of symbolic media in order to create stable and predictable regularities of behaviour in collectives of actors. Culture relates to the creation of identities of actors in group contexts, such as identities of professional groups, or ethnicity. The performativity approach to institutions has been deployed in:

C. Herrmann-Pillath (2010), A Neurolinguistic Approach to Performativity in Economics, in: *Journal of Economic Methodology* 17 (3), 241–260, Russian translation: *Neirolingvisticheskiy podhod k performativnosti v ekonomicheskoy nauke // Voprosy ekonomiki*. 2011. No 2.

C. Herrmann-Pillath (2012), Institutions, Distributed Cognition and Agency: Rule-following as Performative Action, *Journal of Economic Methodology* 19 (1), 21–42.

So, culture is seen as an essential element in creating and maintaining institutional systems via the definition and stabilization of collective identities of actors. In this regard, reflexivity is an important aspect of cultural creativity, that is, the active reflection of actors about institutions and the corresponding handling of symbolic media. This reflexivity can be institutionalized in terms of formal procedures in creating, defining and disseminating symbolic media. This idea has been explored in the most recent analysis of «financial capitalism» as an economic system:

C. Herrmann-Pillath (2013), Performativity of Economic Systems: Approaches and Implications for Taxonomy, forthcoming, *Journal of Economic Methodology*.

The analysis of the Chinese economy as a cultural phenomenon has been developed in much detail based on more than 25 years of research into China. The de-constructionist approach starts out from the identification of sets of «cultural elements» such as certain values, organizational routines, ideologies etc. which are constantly reshuffled and combined in creative actions. In this way, the Chinese economy is «performed» by the different collectives of actors (such as farmers, private entrepreneurs, or government cadres). Recent contributions include:

* East West Centre for Business Studies and Cultural Science, Франкфуртская школа финансов и менеджмента, Германия
East West Centre for Business Studies and Cultural Science, Frankfurt School of Finance and Management, Germany
E-mail: chepi@uni-wh.de

- C. Herrmann-Pillath (2013), A «Third Culture» in Economics? An Essay on Smith, Confucius and the Rise of China, forthcoming in: *The Adam Smith Review*, Vol. 8, ed. Fonna Forman-Barzilai, London: Routledge. Frankfurt School Working Paper Series No. 159, SSRN: <http://ssrn.com/abstract=1757833>.
- C. Herrmann-Pillath (2012), Making Sense of Institutional Change in China: The Cultural Dimension of Economic Growth and Modernization, in: Masahiko Aoki, Timur Kuran and Gérard Roland, eds., *Institutions and Comparative Economic Development*, IEA Conference Volume 150/1, Palgrave Macmillan, p. 254–280.
- C. Herrmann-Pillath (2009), China's Path-dependent Transition: Culture Mediating Between Market and Socialism, in: Janos Kornai and Qian Yingyi, ed., *Market and Socialism in the Light of the Experiences of China and Vietnam*, International Economic Association conference volume 146, London: Palgrave, 110–134.
- C. Herrmann-Pillath (2006), Cultural Species and Institutional Change in China, in: *Journal of Economic Issues* XL (3), 539–574.

Безбилетники в моделях и на остановках: к социологии разукоренённой экономики

Free Riders between Models and Bus Stops: For a Sociology of Disembedded Economy

In the end of XXth century the notion of «embeddedness» has turned into key conceptual tool for sociological critique of economic approach to studying and shaping human behavior. The concept that originates from the work of Karl Polanyi was widely employed by scholars who aimed at demonstrating that economy is always embedded into cultural patterns and explaining failure of market reforms in many societies. However, the notion has been extensively criticized in the last decade for its ambiguity and vagueness. Does it mean that the idea of embeddedness is of no use anymore in investigating economic culture?

This paper explores how the notion of «embeddedness» can be employed in order to provide sociological explanations of economy purified of all social context — a task that had for a long time surprisingly escaped Polanyi's interpreters. An inquiry into the thought of Polanyi shows that he operated with a dynamic conception of embeddedness based on the theory of autonomization of economy, which has been largely ignored by his followers. By drawing several consequences from this theory, the paper examines how the making of disembedded economy can be studied on different levels.

Economic society is constituted within a particular regime of governance that recruits economic knowledge as a cognitive basis of institutional life shared by economists, economic managers and economic actors. Economics creates specific regime of truth available not only for academics and professionals but for all subjects of economic governance. Economic knowledge is actively recruited for designing technological and material infrastructure necessary to institutionalize autonomous economy. Dynamic theory of embeddedness thus speaks against anthropological essentialism that has long prevailed in discussions of economic society on both economist and anti-economist sides. The emergence and evolution of homo oeconomicus should be considered as a fundamental anthropological change (or rather as a series of modifications).

The compliance of human behavior with the model of homo oeconomicus has been frequently described as a prerequisite for functioning of liberal and neoliberal governance (particularly by Michel Foucault and his disciples). It has been noted that economics contributes itself to the verisimilitude of the conception of man with which it operates. However, relatively little attention has been paid to the model of society propagated by economics. This paper argues that operation of disembedded economy as a mode of coexistence and an object of governance depends on its correspondence to the image of collective life described by the famous economic model of the free rider. The free rider model operates simultaneously as an objective image of society and a normative ideal of regulation for both the governors and the governed. However, its model is never perceived by actors as self-evident from the outset and needs to be imposed on the society.

In order to illustrate how the free rider model enacts a specific mode of behavior and thus becomes performative, the paper takes the metaphor literally and explores the series of institutional innovations in Moscow public transport. It takes a set of tactical moves involving scientific experimentation, setting up material devices and governmental technologies of accounting to make the free rider leap from the pages of economic textbooks directly to the bus stops.

* Старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ, Москва, Россия
Senior Researcher Laboratory for Studies in Economic Sociology Higher School of Economics, Moscow, Russia
E-mail: gregloko@yandex.ru

Центр исследований экономической культуры СПбГУ

Миссия

В новых условиях экономического развития (глобализация, расширение потребления, неравномерность) исследовать взаимосвязи экономического устройства с социальной, политической и культурной средой. Акцент на экономической культуре привлекает внимание к эмпирическим исследованиям и созданию новых социально-экономических концепций, обобщающих на новом уровне достижения экономической теории, политологии, социологии и других наук.

Проведение исследований в области экономической культуры поможет ответить на такие вопросы, как связь экономического и политического устройства общества (рынок, государство — демократия и авторитаризм), переосмысление взаимовлияния систем ценностей (убеждений) и экономического устройства, выявление причин региональной отсталости и дисбалансов, неудач в восприятии реформ и их воплощения, изучение актуальной культуры потребления, и, наконец, проведение ревизии в рамках самой экономической теории и социальных наук.

Задачи исследовательского Центра

1. Разработка методологии и проведение эмпирических исследований, накопление сопоставимой качественной и количественной информации по взаимосвязи экономики, политики и культуры с включением таких параметров, как власть и насилие, распространение безличных отношений, права собственности, неправительственные организации, ценностные установки, институты гражданского общества и т. д.
2. Пересмотр фундаментальных оснований экономической теории, исходя из более адекватного и реалистичного понимания поведения человека в экономике, социуме и культуре. В этой связи проведение ревизии истории экономической мысли и выявление конкурентных преимуществ у альтернативных, неортодоксальных экономических теорий.
3. Изучение неортодоксальных междисциплинарных подходов к экономической теории и реальной экономической политике с особым рассмотрением финансовой хрупкости капиталистической экономической системы и ее последствий для реальной экономики, которые включают исследование международной финансовой архитектуры, денежной и торговой политики (в сотрудничестве с Институтом Леви).
4. Проведение региональных исследований социально-экономического развития в РФ, учитывающих культурные, религиозные и институциональные отличия, изучение воздействия экономической культуры на эффективность экономической политики в различных странах.
5. Изучение особенностей культуры потребления в новой экономике и культурных оснований современного капитализма; исследование, сравнительный анализ и критика

- экономических идеологий и мировоззрений.
6. Исследование взаимоотношений экономики и этики, взаимосвязи экономики и религии в контексте пересмотра тезиса о секуляризации как спутнике модернизации.
 7. Исследование отображения и рефлексии экономики в культуре и искусстве.

Творческий коллектив Центра

А. Л. Кудрин, Д. Е. Расков (руководитель), А. А. Погребняк, Д. В. Кадочников,
А. С. Воробьев, Д. Б. Пушкина, А. Э. Тарабанов, И. В. Розмаинский

Конференции 2012 года

16 мая 2012: Конференция международной сети по экономической методологии

29–30 июня 2012: Экономическая культура современного капитализма

Семинар «Экономика и культура»

Публичный семинар приглашает к обсуждению проблем современного общества, связанных с экономической культурой и ее пониманием в различных областях социального и гуманитарного знания. Вопрос ценностей, власти, символов и разнообразных практик, который часто выносился за скобки в стандартной экономической теории, ставится в центр экономических дискуссий. В этой связи иное звучание приобретают такие вопросы, как происхождение и институты современного капитализма, культура потребления, противоречия и динамика рыночной культуры, взаимосвязь политики, социума, религии и экономики, культурные основания экономики и экономические основания культуры. Семинар открыт для разных теоретических позиций; его основная цель — способствовать объяснению феномена экономической культуры и ее эмпирическим исследованиям.

Center for the Study of Economic Culture Saint-Petersburg State University

Background

In the new economic conditions (globalization, consumption growth, imbalances) the Center's mission is to research the interdependence between economic system on the one side and social, political and cultural environment on the other side. The emphasis on the economic culture draws attention to empirical as well as theoretical and methodological research, and promotes new socio-economic concept schemes, summarizing at a new level achievements of economic theory, political science, sociology and other disciplines.

Conduct of research in the field of economic culture will help to properly describe such problems as the connection of economic and political structure of the society (market, state — democracy and authoritarianism), rethinking the links between value systems and economic structure, value systems and cultural-technological conditions, on the one hand, and evolution of economic-theoretic and, in a broader sense, societal knowledge on the other hand, detection of the roots of regional backwardness and imbalances, failures in reforms perception and implementation, studying actual consuming culture.

Research plans

1. Development of methodology (panel research, analytical narrative etc.) and conduct of empirical research, accumulation of qualitative and quantitative data regarding correlation of economy, politics and culture taking into account such factors as power and violence, spread of impersonal relations, NGOs, value systems, civil society institutions etc.
2. Revision of the foundations of the economic theory based on a more relevant and realistic understanding of human behavior in economy, society and culture. That's why revision of history of economic thought, especially the study of so called non-orthodox economic theories is to be done.
3. New, non-mainstream and interdisciplinary approaches to economic theories and real-world impact of economic policies, with particular focus on «inherent» financial fragility of the capitalist economic system and its repercussions in the real economy, including international financial architecture, monetary and trade policy (In cooperation with the Levy Institute).
4. Cultural, religious and institutional factors of social and economic development of Russia and Russian regions; the impact of economic culture on the efficiency of national government.
5. Study of consuming culture in the new economy and cultural foundations of modern capitalism; comparative analysis and critique of economic ideologies and worldviews.
6. Study of interrelationships between economics and ethics, correlation between economy and religion in the context of secularization hypothesis.
7. Study of the image and reflection of the economy in culture and art.

Initiators

Aleksei Kudrin, Danila Raskov (Director), Denis Kadochnikov, Andrey Vorobyev, Alexandr Pogrebnyak, Daria Pushkina

Пленарные докладчики конференции:

Олег Игоревич АНАНЬИН (НИУ ВШЭ)

Культурная размерность экономики

Дейдра МАККЛОСКИ (Университет Иллинойса в Чикаго)

Как мир стал богатым и почему это никак не связано
с неоклассической, марксистской или неoinституциональной
экономической теорией

Арьо КЛАМЕР (Университет Эрасмуса, Роттердам)

Культура имеет значение

Факультет свободных искусств и наук СПбГУ: ул. Галерная 58-60

Справки по телефону: 320-07-28

artesliberales.spbu.ru/events/2013

Виктор Трофимов "Слепые"